М. КУРДЮМОВЪ.

Римъ
и
Православная Церковь.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
Les Éditeurs Réunis, Paris.
1939.

М. КУРДЮМОВЪ.

Римъ
и
Православная Церковь.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
Les Editeurs Réunis, Paris.
1939.

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/rimipravoslavnai00kurd

ВВЕДЕНІЕ.

Настоящій очеркъ ни въ какой степени не претендуетъ быть попыткой характеристики католическаго міра въ его цѣломъ.

Міръ этотъ, при его кажущейся монолитности, очень разнообразенъ и сложенъ. Въ немъ много заключено богатствъ и религіозныхъ и культурныхъ, къ которымъ нельзя не относиться безъ уваженія, которыя надлежитъ изучать.

Но, кромѣ массы вѣрующихъ католиковъ, кромѣ католическихъ ученыхъ и писателей, кромѣ немалаго числа самоотверженныхъ миссіонеровъ, нерѣдко съ опасностью для жизни ведущихъ проповѣдь среди дикихъ племенъ гдѣ-нибудь въ дебряхъ Африки, есть еще правящіе круги Римской Церкви съ ихъ **политикой** въ отношеніи христіанъ неримскаго исповѣданія.

Эта политика имѣетъ свои методы и пріемы, свой внутренній стиль и духъ, нерѣдко достигающій результатовъ совершенно обратныхъ тѣмъ цѣлямъ, которыя она себѣ ставитъ.

Ревностные сторонники ея оправдываютъ себя тѣмъ, что они стремятся во что бы то ни стало пріобщить всѣхъ инаковѣрующихъ къ своей Церкви, которую они считаютъ единственно истинной во всемъ мірѣ.

Принципіально противъ ревности о вѣрѣ нельзя возражать (можно возражать противъ содержа-

нія и духа вѣроученія), но позволительно разсматривать качества этой ревности, ея цѣлеустремленность съ точки зрѣнія чисто евангельской, въ духѣ Христова ученія.

Догматическое исповѣданіе вѣры, при всей его первостепенной важности, еще не исчерпываетъ всей полноты христіанства, главной основой котораго является любовь. Безъ любви нѣтъ подлинной близости къ Богу, ибо Богъ, по свидѣтельству Писанія, есть Любовь, и только достигающіе приближенія къ совершенной любви достигаютъ приближенія къ Богу.

Евангеліе полно осужденій сухого исповѣдническаго законничества книжниковъ и фарисеевъ, которому на протяженіи всей Своей земной жизни Христосъ противопоставлялъ любовь и **сердечную вѣру** не знавшихъ закона неіудеевъ—милосерднаго самарянина, римскаго сотника, женщины-хананеянки и другихъ.

Одна принадлежность къ самому истинному догматическому исповѣданію — принадлежность формальная, не спасаетъ человѣка, не вводитъ его внутренно въ Христову Церковь. Спасаетъ его преображеніе сердца въ свѣтѣ любви, когда человѣкъ, по слову Христову, „родится свыше“, когда онъ становится „новою тварью“ во Христѣ.

Почти двѣ тысячи лѣтъ культурные народы Европы **исповѣдуютъ христіанство**, т. е. называются христіанами по имени, однако въ подавляющемъ своемъ большинствѣ такъ называемый христіанскій міръ внутренно далеко ушелъ отъ Христа, и вся жизнь этого міра построена на на-

чалахъ не только чуждыхъ, но часто и враждебныхъ христіанству.

Христіане по имени боролись съ христіанствомъ, искажали его, урѣзывали, старались законъ Христовъ подчинить своимъ земнымъ цѣлямъ.

Въ этихъ многочисленныхъ грѣхахъ противъ закона Христовой любви повинны были и католики и православные.

Борьба съ христіанствомъ самихъ христіанъ, вольная или невольная, грѣхи христіанъ—явились одной изъ главныхъ причинъ начавшейся въ нашу эпоху открытой яростной войны противъ Бога.

Сознательно или несознательно, но въ ряду противниковъ христіанства оказывались не только позитивисты и матеріалисты, но и деспотически покровительствовавшіе Церкви государственныя власти, наконецъ, тѣ изъ князей Церкви, которые или жертвовали **Божіимъ** въ угоду **кесареву**, или сами становились **кесарями-первосвященниками**, превращая тѣмъ самою Церковь, во имя ложно понимаемой славы ея, въ царство кесаря; всѣ тѣ, которые стремились насиліемъ спасать души и насиліемъ же (вплоть до костровъ инквизиціи) попалять и уничтожать грѣхъ и его соблазны.

Война противъ Бога постепенно и медленно подготовлялась въ мірѣ уже давно, и она угрожаетъ теперь **всему міру**, она въ разныхъ формахъ и разными методами ведется повсюду.

Эта война въ какомъ-то смыслѣ есть „судъ міру сему“, есть испытаніе подлинной и всецѣлой христіанской вѣрности.

Римская Церковь передъ лицомъ мірового натиска безбожія настойчиво призываетъ христіанъ

къ единству и въ первую очередь обращаетъ свое вниманіе на Православную Церковь въ Россіи.

Самъ по себѣ призывъ къ единству, точно такъ же какъ и сама по себѣ ревность по вѣрѣ, должны вызывать сочувствіе.

Но какъ ревность бываетъ разная, такъ и призывъ къ единству не всегда заключаетъ въ себѣ одинаковый смыслъ.

Римъ допускаетъ только одинъ путь къ единству — **всецѣлое подчиненіе власти римскаго первосвященника.** Желая подчинить себѣ Православный Востокъ (въ лицѣ Россіи прежде всего), Римская Церковь надѣется тѣмъ самымъ побороть натискъ безбожія въ мірѣ.

Иначе говоря, **единствомъ формальнаго вѣроисповѣдного закона** Римъ разсчитываетъ утвердить побѣду христіанства надъ безбожіемъ. Но, если даже стать на ту точку зрѣнія, что формально римское исповѣданіе является самымъ истиннымъ, т. е. если представить себѣ, что Православіе измѣнитъ своей древне-апостольской вѣрѣ, отречется отъ духа соборности, приметъ тѣ римскіе догматы, которыхъ оно не можетъ принять, — какая внутренняя и существенная перемѣна произойдетъ отъ этого въ самомъ христіанствѣ?

Будетъ заключенъ союзъ Запада и Востока, подобно тому какъ заключаются политическіе пакты и союзы между различными государствами, произойдетъ **формальная вѣроисповѣдная унификація.** Не больше.

Вѣдь и самое истинное исповѣданіе вѣры, которое, по нашему убѣжденію, содержится въ Пра-

вославной Вселенской Церкви, есть тотъ „талантъ“ евангельской притчи, который вручается человѣку Христомъ черезъ Церковь при помощи благодатныхъ даровъ Св. Духа. „Талантъ“ можетъ быть или умноженъ, или зарытъ въ землю.

Вѣрующіе люди стремятся къ общенію со святыми, живыми и умершими, чтобы только прикоснуться хотя бы къ богатству умноженныхъ ими „талантовъ“, увидѣть и ощутить сіяніе преображенныхъ душъ, стяжавшихъ Духа Святого и въ Немъ и черезъ Него полноту любви Христовой.

Слѣдовательно и возрожденіе христіанства, разцвѣтъ его, дающій духовную побѣду надъ зломъ, заключается въ томъ, чтобы подвигомъ любви и вѣры явить людямъ образъ Христовъ.

„Я есмь Свѣтъ міру“—говоритъ Господь. Мало, если эта истина содержится лишь въ учебномъ катехизисѣ, или формально исповѣдуется устами пастырей. Она должна быть воплощена въ жизни. И только тогда она начинаетъ побѣждать сердца людей и тогда „свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не объятъ“.

Россія до революціи считалась православной страной. Когда большевики захватили въ ней власть, она было объявлена безбожнымъ С.С.С.Р.

И однако сколько „талантовъ“ было зарыто и прежде въ русскомъ народѣ, при всемъ видимомъ „благополучіи“ угнетаемой государствомъ Церкви.

И сколько „талантовъ“ умножилось и засіяло теперь въ мукахъ и крови безбожныхъ гоненій на вѣру!

Нуждается-ли Русская Церковь въ защитѣ, въ покровительствѣ, въ поддержкѣ Рима?

Она нуждается только въ помощи Божіей, въ изобиліи благодати, которая подается Духомъ Святымъ сердцамъ, пребывающимъ въ любви Христовой.

А что Русская Церковь получаетъ божественную помощь, насъ убѣждаетъ Ея двадцать первый годъ длящійся подвигъ, самоотверженіе Ея архипастырей и пастырей, умноженіе вѣры въ народѣ, котораго не могутъ не только побороть, но даже умалить неслыханныя по изощренной жестокости гоненія.

Русская Церковь проходитъ черезъ свое „огненное испытаніе“ въ одиночествѣ, за крѣпкой совѣтской стѣной. Но свидѣтельства объ Ея подвигѣ, о Ея непрекращающихся страданіяхъ все же достигаютъ Запада. Даже сами Ея мучители вынуждены были неоднократно признаваться, что имъ не удается сломить Ея духовную силу, непостижимо для нихъ наростающую послѣ каждаго новаго удара.

И какъ же западный христіанскій міръ реагируетъ на борьбу Русской Церкви съ озвѣрѣлымъ натискомъ безбожія?

Отношеніе этого западного міра къ Православной Россіи далеко не одинаково.

Въ то время какъ англиканскія и протестантскія страны широко и многообразно выражали гонимому Православію свое безкорыстное участіе и сочувствіе (сопровождающееся даже матеріальной поддержкой православныхъ начинаній и учрежденій въ средѣ эмиграціи), католическіе церковные круги немедленно же проявили тенденцію къ использованію крестнаго пути Русской Церкви

въ интересахъ вѣроисповѣдной уніи. **Величіе осуществляемой страдающимъ Православіемъ христіанской полноты, дѣйственное стяжаніе любви Христовой** были оцѣнены только такими исключительными личностями, какъ покойный архіепископъ Малинскій, кардиналъ Іосифъ Мерсье.

Съ горечью и болью приходится отмѣтить, что оффиціальные церковные круги Рима, громко выражая свое соболѣзнованіе жестоко терзаемому русскому народу, устраивая даже спеціальныя моленія о спасеніи Россіи, никогда не рѣшились сказать о Русской Церкви, что Она умножаетъ данные Ей таланты, что Она вступила на тотъ истинный путь борьбы за вѣру Христову, который одинъ только и даетъ плоды истинной побѣды—побѣды воспарившаго очищеннаго подвигомъ духа.

Иначе говоря, Римская Церковь, которая **догматически** неизмѣримо ближе намъ христіанъ протестантскихъ исповѣданій, не проявила къ мученичеству Православія подлинной и безкорыстной любви. Она не проявила даже и справедливости (будучи лучше другихъ освѣдомлена о церковной жизни въ Россіи) въ своихъ оцѣнкахъ происходящихъ въ Россіи событій. Эти оцѣнки всегда были полны оговорокъ, умолчаній или пристрастной полемической критики.

Въ своей знаменитой статьѣ „Pensées sur l'union des Eglises" католическій авторъ, Monseigneur Prince Max de Saxe, съ тяжелымъ сердцемъ высказываетъ Риму упрекъ за его всегдашнее отношеніе къ Православному Востоку. Въ этомъ отношеніи, говоритъ онъ, отсутствовали два основ-

ныхъ двигателя, безъ которыхъ не только соединеніе, но и сближеніе католиковъ и православныхъ немыслимо: милосердіе (charité) и правда (vérité).

Судьба православнаго Востока, по словамъ автора статьи, была трагична. Она указываетъ на нашествія иновѣрныхъ—турокъ въ Византіи и на Балканахъ, и татаръ въ Россіи,—и сравниваетъ Римскую Церковь со священникомъ и левитомъ евангельской притчи, которые прошли мимо „впавшаго въ разбойники“...

Таково сужденіе пастыря Римской Церкви, доказывающаго въ своей статьѣ всю церковно-историческую необоснованность папскихъ притязаній на владычество надъ православнымъ Востокомъ.

Другой выдающійся католическій писатель, авторъ цѣннѣйшаго огромнаго труда „L'Histoire de l'Eglise de France“, докторъ богословія Владиміръ Гетте („prêtre romain, devenu prêtre orthodoxe“—какъ онъ самъ себя называетъ), въ своихъ замѣчательныхъ „Воспоминаніяхъ[1])“ разсказываетъ, какъ бы въ подтвержденіе мыслей, высказаныхъ монсеньоромъ Максимиліаномъ, принцемъ Саксонскимъ, исторію борьбы Рима съ Галликанской (французской) Церковью въ половинѣ прошлаго вѣка ради утвержденія во французскомъ католичествѣ папскаго догмата и догмата о непорочномъ зачатіи. Французская Церковь до XIX вѣка не принимала ученія о папѣ въ томъ видѣ, какъ оно уже существовало въ Римѣ, и утверждала по-православному, что Церковь выше папы,

---

[1]) Dr Wladimir Guettee. „S o u v e n i r s“ 1889. Paris. Fischbacher, editur.

который долженъ подчиняться ея соборному авторитету.

Въ исторіи этой борьбы (изложенной въ документахъ) характерно выступаетъ полнѣйшее отсутствіе со стороны Рима тѣхъ христіанскихъ началъ (charité et vérité), безъ которыхъ не можетъ строиться Церковь. Римъ жестоко преслѣдовалъ и тѣснилъ тѣхъ, которые въ угоду ему не поступались своими убѣжденіями. Всѣ человѣческія чувства и требованія, до элементарной справедливости включительно, должны отступить передъ велѣніями Рима.

Когда выдающійся своей ученостью и талантомъ молодой аббатъ выпускалъ первые тома своего фундаментальнаго изслѣдованія („L'Histoire de l'Eglise de France"), наиболѣе образованные и авторитетные епископы Французской Церкви выражали его книгамъ свое полное одобреніе. Но, когда въ Римѣ на эти книги налагался интердиктъ и авторъ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, никогда не могъ добиться отъ соотвѣтствующей конгрегаціи отвѣта на вопросъ—**въ чемъ онъ погрѣшилъ противъ исторической истины или противъ авторитета Церкви**, — его покровители-іерархи или отворачивались отъ него, или только втихомолку выражали ему свое сочувствіе: власть Рима, постепенно овладѣвая Французской Церковью, попирая ея вѣковую свободу, подавляла и ея свободную религіозную совѣсть.

Эта же власть Рима, испепеляющая въ корнѣ начало христіанской соборности, не хочетъ видѣть и признавать духовнаго величія Русской Церкви,

сила которой утверждается на двухъ основахъ: соборности и свободѣ.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что тѣ католики, которые пишутъ о Русской Церкви, какъ Olav Leroi, или авторы статей на русско-православныя темы въ католическихъ изданіяхъ какъ „Russie et Chrétienté“ и бюллетень (на русскомъ языкѣ) „Бесѣды“, по-своему добросовѣстно и, конечно, искренно служатъ Риму. Искренно дѣйствовалъ и столь же искренно писалъ и аббатъ Михаилъ д'Эрбиньи, когда онъ ѣздилъ въ Россію и когда описывалъ свою поѣздку. Но добросовѣстность всецѣлаго угожденія Риму увы! сплошь и рядомъ покупается цѣной уступокъ объективной истинѣ.

Между тѣмъ, вѣрность этой объективной истинѣ, чистосердечное признаніе нашихъ обоюдныхъ человѣческихъ слабостей, обусловливаемыхъ нашей грѣховной природой, одинаково грѣховной и у православныхъ и у католиковъ,—единственный залогъ для нашего будущаго взаимнаго сближенія.

Нѣтъ и не можетъ быть у вѣрующихъ православныхъ людей враждебнаго отношенія къ католикамъ за ихъ вѣру.

Въ нашу трагическую и отвѣтственную эпоху, когда идолы человѣкобожескаго безумія и гордыни хотятъ раздавить христіанскій міръ,—всѣ христіане должны чувствовать себя ближе другъ къ другу, чѣмъ когда бы то ни было прежде. И сближать ихъ должно стремленіе, по мѣрѣ силъ, осуществлять законъ христіанской любви по слову Ап. Павла: „Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ

своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ"... (Коринѳ. I-ое, гл. 13, 4-7).

Но, чтобы хоть сколько-нибудь приблизиться къ этому высокому идеалу любви, необходимо очистить и утвердить въ себѣ отвѣтственное сознаніе христіанской свободы, повелѣвающее искать истины прежде всего.

Тамъ же, гдѣ истина приносится въ жертву разсчетамъ, тамъ неосуществима свобода и не достижима любовь.

Рядовые вѣрующіе католики, непричастные къ разсчетамъ **политики** Рима, принимались и принимаются православными въ Россіи какъ братья.

Не можетъ быть у насъ иного отношенія къ къ нимъ и на Западѣ, тѣмъ болѣе что здѣсь мы живемъ среди нихъ и нерѣдко видимъ съ ихъ стороны акты истинно христіанскаго милосердія.

Но, когда люди заглушаютъ голосъ сердца велѣніями римской **дипломатіи**, когда чистосердечіе замѣняется **методами**, между людьми разверзается пропасть, и чувство близости вытѣсняется инстинктомъ самообороны, довѣріе исчезаетъ.

Настоящій очеркъ, не затрагивая религіознаго чувства католиковъ, ни въ какой мѣрѣ не посягая на святыню ихъ вѣры, такъ во многомъ намъ близкой и общей, имѣетъ въ виду исключительно только **политику** Рима, ея **методы** и тѣхъ, католиковъ, которые, въ самозабвеніи этого своего римскаго законничества, служатъ имперско-церковнымъ цѣлямъ Рима ревностнѣе и усерднѣе, нежели евангельскимъ заповѣдямъ любви и правды.

Римъ и Православная Церковь.

Католическій Римъ съ перваго момента русской революціи неослабно слѣдитъ за судьбой Русской Церкви: за положеніемъ Ея правящей іерархіи и за настроеніями вѣрующихъ.

Впрочемъ, этотъ интересъ Рима къ русскому народу — интересъ очень давній. Римъ никогда не упускалъ изъ вида Россію, его привлекало не только количество русскаго народа, но и религіозныя качества русской души.

Прежній политическій строй Россіи съ оффиціально обязательнымъ православіемъ, съ насильственнымъ подчиненіемъ Церкви государству, создавалъ слишкомъ много внѣшнихъ препятствій для возможности широко раскинуть католическую пропаганду. Революція въ этомъ смыслѣ, казалось, откроетъ новые горизонты...

И дѣйствительно, въ самый первый періодъ революціи Римъ сталъ дѣлать попытки созданія въ Россіи очаговъ своей миссіонерской дѣятельности, соединяя католическую пропаганду съ благотворительной помощью, въ которой очень нуждалось сильно голодавшее населеніе, особенно въ большихъ центрахъ, какъ Москва и Петербургъ.

Однако эта пропаганда успѣха не имѣла, во

всякомъ случаѣ не дала сколько нибудь замѣтныхъ результатовъ. И это было вполнѣ понятно: возстановившая свою изначальную независимость и свою духовную свободу, Русская Церковь пріобрѣла авторитетъ даже въ тѣхъ слояхъ культурнаго русскаго общества, которые прежде отталкиваясь отъ „казеннаго православія“, иногда далеко уходили отъ вѣры. Этотъ авторитетъ, чѣмъ дальше тѣмъ больше, увеличивался и благодаря высокимъ личнымъ качествамъ Русскаго Первосвятителя, которому суждено было занять двѣсти лѣтъ пустовавшій въ Россіи Патріаршій престолъ, и еще благодаря тому, что гоненія на Церковь, особенно жестокія въ періодъ военнаго коммунизма, окружали Ее заслуженнымъ ореоломъ мученичества и исповѣдничества.

Конечно, **все** русское духовенство прежняго синодальнаго состава не могло оказаться на высотѣ. Коммунистическій натискъ на Церковь, желавшій Ее раздавить до конца, въ сущности оказалъ Ей въ какомъ-то смыслѣ большую услугу: въ средѣ духовенства самъ собою началъ совершаться процесъ отбора лучшихъ, а дальше пошло постепенно формированіе новыхъ пастырскихъ кадровъ, все крѣпче духовно закаляемыхъ въ огнѣ страшныхъ и мучительныхъ испытаній.

Но отборъ, конечно, не могъ пройти безболѣзненно. Та часть духовенства, которая или еще не успѣла разобраться въ происшедшихъ церковныхъ и политическихъ перемѣнахъ, не успѣла осмыслить для себя положенія и задачъ Церкви въ новомъ государствѣ, объявившемъ религію „опіумомъ для народа“, или просто устрашилась

идти за своимъ Первоіерархомъ на Голгоѳу, неизбѣжно должна была создать временный расколъ въ церковной средѣ. Расколъ поощрялся и поддерживался совѣтской властью въ разныхъ видахъ, изъ которыхъ разсчетъ сокрушить силу Церкви, путемъ разрушенія Ея единства, стоялъ на первомъ планѣ. И въ смыслѣ **внѣшней** крѣпости позицій, борьба между канонической Церковью (которую народъ называлъ „**Тихоновской**“) и такъ называемой „обновленческой“ оппозиціей была неравная. „Тихоновцевъ“ разстрѣливали, отправляли въ ссылку и на каторгу, отнимали у нихъ храмы и лишили ихъ даже того призрачнаго подобія вѣроисповѣдной свободы, которую формальмально утверждала ленинская конституція. „Тихоновская Церковь“ объявлена была контръ-революціонной, ибо считалась нелегальнымъ учрежденіемъ, не зарегистрированномъ въ совѣтскомъ вѣдомствѣ культовъ, тогда какъ обновленцы издавали свои журналы на правительственную субсидію, имѣли свой утвержденный властью „синодъ“, даже кое-какія школы. Нѣкоторые представители этой группы не стыдились и открытаго сотрудничества съ В. Ч. К. (впослѣдствіи переименованной въ Г. П. У.), помогая уничтоженію Церкви законной.

И власть и „обновленцы“ одинаково хорошо учитывали и ту роль, которую игралъ въ борьбѣ съ расколомъ покойный Патріархъ, если не всегда своимъ личнымъ участіемъ, т. к. онъ долгое время пробылъ въ заточеніи, то обаяніемъ своего имени. Онъ былъ знаменемъ борьбы противъ раскола. Знамя это надо было во что бы то ни стало

сорвать, но, по возможности, соблюсти при этомъ хотя бы видимость нѣкотораго приличія, дабы не вызывать волненій въ вѣрующихъ массахъ. И вотъ въ 1922 г. съ этой цѣлью былъ созванъ обновленческій лже-соборъ, который, среди другихъ своихъ постановленій, произнесъ заочный „судъ“ надъ Патріархомъ и въ результатѣ этого „суда“ „лишилъ“ Святѣйшаго Тихона не только патріаршей власти, но всякаго священнаго сана и даже монашества. Комедію „суда“ нужно было укрѣпить какимъ-нибудь „настоящимъ“ церковнымъ авторитетомъ. Для этого прибѣгли къ испытанной давнимъ прошлымъ практикѣ — обращенію въ Константинополь, въ тотъ древній и когда-то подлинный центръ вселенскаго Православія, отъ котораго нынѣ оставались лишь пышные историческіе титулы и, вѣками политическаго униженія выработанная, большая иногда податливость въ вопросахъ принципіальныхъ...

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ совмѣстнаго обращенія безбожной совѣтской власти и обновленческаго лже-собора къ первой по чести Цареградской каѳедрѣ: подробности эти, какъ и „способы убѣжденія“ очень печальны... Такъ или иначе Константинопольская Церковь, въ лицѣ престарѣлаго своего Патріарха, Григорія VII, свою санкцію лже-собору дала, постановленія его утвердила.

Все было сдѣлано очень поспѣшно: не только безъ обращенія къ инымъ Помѣстнымъ Церквамъ, неучаствовавшимъ никакъ въ этомъ актѣ „сверженія“ законнаго Всероссійскаго Патріарха совмѣстными усиліями чекистовъ и раскольниковъ, но

даже при полномъ забвеніи того факта, что та же самая Константинопольская Церковь, въ лицѣ предшественника Григорія VII, Патріарха Мелетія, торжественно наименовала Святѣйшаго Тихона **исповѣдникомъ вѣры.**

Но и кромѣ суда надъ Патріархомъ, лже-соборъ „разрѣшилъ" цѣлый рядъ такихъ вопросовъ (напр. о женатомъ епископатѣ), которые никакъ не входятъ въ компетенцію отдѣльныхъ Помѣстныхъ Церквей, однако Константинополь въ своемъ рвеніи угодить совѣтскому правительству предъ подобнаго рода трудностями не остановился.

Заданіе, полученное обновленцами отъ совѣтской власти, — превратить Патріарха Тихона въ заурядnаго совѣтскаго гражданина, несмотря на то, что къ этому, выражаясь по старинному, **студному дѣлу** приложилъ руку первый по чести іерархъ Православной Церкви, осталось выполненнымъ только на бумагѣ. Ни Русская, ни другія Помѣстныя Церкви не посчитались съ самочиннымъ раскольничьимъ судомъ, какъ не посчитались и съ позорнымъ „утвержденіемъ" этого суда. И даже сами большевики попрежнему продолжали именовать Святѣйшаго Тихона **Патріархомъ.** Казнить имъ его тоже не пришлось, но физически измученный Первосвятитель Русской Церкви не надолго пережилъ эту фазу русской церковной смуты: 25 марта 1925 года его не стало.

Мы напоминаемъ объ этихъ, вѣроятно, всѣмъ хорошо извѣстныхъ, событіяхъ недавней русской церковной исторіи для того, чтобы возстановить ту обстановку, въ которой впервые католическій

Римъ сдѣлалъ свой открытый шагъ для духовнаго завоеванія православныхъ душъ.

Кончина Святѣйшаго Тихона была для Русской Церкви огромнымъ моральнымъ ударомъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ его ближайшихъ сотрудниковъ въ это время уже были выведены изъ строя насильственными мѣрами власти; старѣйшіе іерархи, которымъ онъ въ первую очередь завѣщалъ мѣстоблюстительство, оказались тоже въ ссылкѣ. Управленіе Церковью перешло къ Митрополиту Петру, недавно передъ тѣмъ рукоположенному въ епископскій санъ. Обновленцы, продолжавшіе пользоваться и покровительствомъ и денежной помощью совѣтскаго правительства, были въ полной силѣ.

Католическіе верхи, пристально слѣдившіе за всѣми мельчайшими подробностями церковной жизни въ Россіи, конечно, были освѣдомлены и о тѣхъ соображеніяхъ, въ силу которыхъ совѣтская власть поддерживала обновленческую группу, и о томъ, что обновленчество не имѣло успѣха среди вѣрующаго народа. Не могли не знать эти католическіе верхи и о томъ, кѣмъ, какъ и для какихъ цѣлей былъ созванъ, при поддержкѣ коммунистическаго правительства, обновленческій лже-соборъ и какое каноническое значеніе могли имѣть его „постановленія“, даже при наличіи „одобренія“ со стороны Константинополя, опорочившаго свое **первенство чести** такимъ продажнымъ актомъ.

Но, какъ выяснилось въ дальнѣйшемъ, Римъ былъ заинтересованъ отнюдь не безпристрастнымъ освѣщеніемъ событій въ христіанской странѣ, проходившей черезъ невиданное по тяжести испыта-

ніе. Чѣмъ сложнѣе и мучительнѣе складывались условія для самозащиты Русской Церкви, сугубо гонимой и безбожниками и раскольниками, тѣмъ благопріятнѣе казались они для миссіи Рима.

И вотъ въ 1926 г. появляется въ Москвѣ официальный представитель папскаго престола, Монсеньоръ (тогда еще только аббатъ) Михаилъ д'Эрбиньи. Появляется почти въ качествѣ гостя коммунистическаго правительства. Онъ ведетъ дружескіе разговоры съ совѣтскими сановниками и столь же дружески и даже задушевно бесѣдуетъ съ главарями обновленческаго раскола...

О. д'Эрбиньи дѣлаетъ попытку, между прочимъ, повидать и Митрополита Петра Крутицкаго, но тотъ, къ большой обидѣ аббата, подъ какимъ-то предлогомъ отказывается его принять.

Посланецъ Рима почти не скрываетъ своихъ намѣреній: онъ пріѣхалъ взвѣсить и оцѣнить „матеріалъ", опредѣлить „наличность". Его интересуетъ не только религіозный уровень духовенства и вѣрующихъ — это важно для дальнѣйшаго—, но его занимаютъ и возможности даннаго момента: нельзя ли съ одной стороны подготовить конкордатъ съ совѣтскимъ правительствомъ, а съ другой — включить въ унію обновленцевъ?

Конечно, мы не располагаемъ никакими **прямыми** документальными данными, подтверждающими, что такіе переговоры о конкордатѣ имѣли мѣсто въ Москвѣ, но достаточно перечесть книгу аббата д'Эрбиньи, [1])въ которой онъ съ одной стороны восхваляетъ „мудрое правительство" (sic) Совѣтовъ, а съ другой восхищается лже-митрополи-

1) Аббатъ Михаилъ д'Эрбиньи: „Церковная Жизнь въ Москвѣ".

томъ Введенскимъ, дабы цѣль поѣздки въ Россію представителя Рима стала очевидной.

Сама по себѣ книга д'Эрбиньи и предпосланное ея русскому переводу предисловіе И. Ф. Наживина (конечно одобренное авторомъ) навсегда останутся **вещественными доказательствами отношенія католическаго Рима къ Русской Церкви въ самый трагическій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, духовно-величественный періодъ ея исторіи.**

Аббатъ д'Эрбиньи съ полной откровенностью высказалъ, что въ Россію его привело **„ненормальное положеніе Католической Церкви, или скорѣе ея quasi-отсутствіе на этихъ русскихъ пространствахъ, занимающихъ одну шестую часть всей поверхности земного шара“** [1]).

Послѣ революціи, съ точки зрѣнія Рима, это положеніе должно было рѣзко измѣниться. Представителю папскаго престола неудобно было непосредственно выступить съ оцѣнкой русскаго Православія и потому это заданіе выполнилъ за него авторъ предисловія къ его книгѣ въ слѣдующихъ откровенныхъ строкахъ:

„Въ доброе старое время предполагалось, что „Россія держится на трехъ китахъ: „православіи, „самодержавіи и народности“. Когда при послѣд„нихъ Романовыхъ русскіе люди говорили, что са„модержавіе гніетъ и ползетъ по всѣмъ швамъ... „такихъ смѣльчаковъ сажали въ тюрьмы или „ссылали въ Сибирь. Но они, увы, оказались пра-

---

[1]) Аббатъ Михаилъ д'Эрбиньи: „Церковная жизнь въ въ Москвѣ“.

„вы: догнивъ, самодержавіе рухнуло и въ паденіи „своемъ погубило и страну, которая слишкомъ „долго терпѣла его. О. Михаилъ д'Эрбиньи въ од„ной изъ первыхъ главъ своего труда, правильно „установивъ **тѣсную связь самодержавія съ „православіемъ, выражаетъ удивленіе, что са„модержавіе въ своемъ паденіи не увлекло за собой въ пропасть и православіе.**[2]) Но намъ „кажется, что все содержаніе его труда самымъ „краснорѣчивымъ образомъ опровергаетъ это его „утвержденіе: православная церковь въ невѣроят„ной смутѣ и грязи гибнетъ вслѣдъ за самодержа„віемъ".

Книга аббата д'Эрбиньи, полная грубыхъ фантастическихъ искаженій, отвратительнаго глумленія и надъ почившимъ Патріархомъ и его тогдашнимъ преемникомъ, Митр. Петромъ, и надъ всѣмъ „тихоновскимъ духовенствомъ", мѣстами наполненная просто доносами на это духовенство, теперь основательно забыта.

Авторъ ея, одно время игравшій первую роль въ выполненіи римскихъ заданій на православномъ Востокѣ, теперь какъ будто сошелъ со сцены. На самомъ дѣлѣ, миссія его въ конечномъ итогѣ ни къ какимъ реальнымъ результатамъ не привела, а книга, полная циничной брезгливости къ многострадальной Русской Церкви, только оттолкнула православныхъ читателей и у многихъ укрѣпила недовѣріе къ католическому міру.

Не сбылись и прогнозы аббата д'Эрбиньи и

---

[1]) Курсивъ нашъ.

его сотрудника съ наемнымъ перомъ, Наживина, о ближайшемъ будущемъ Русской Церкви: Она доказала свою независимость и отъ самодержавія, и отъ всякаго политическаго режима, и не только не погибла „въ невѣроятной смутѣ и грязи вслѣдъ за самодержавіемъ", но, изживъ смуту обновленчества и „оппозиціонныхъ" расколовъ, сумѣла утвердиться, въ невообразимыхъ по тяжести условіяхъ современнаго совѣтскаго строя, не какъ бытовое явленіе, по инерціи удержавшееся на старыхъ корняхъ, а какъ опора глубокой и сознательной вѣры, исповѣдуемой, по свидѣтельству самихъ безбожниковъ, по крайней мѣрѣ половиной русскаго населенія СССР.

Надежды о. д'Эрбиньи привести „эти земли съ ихъ 160 милліонами жителей"... „въ общеніе съ единой Церковью вселенской" основывались на его глубокомъ убѣжденіи въ двухъ фактахъ, а именно:

Во первыхъ, что Православіе въ Россіи было слито съ самодержавіемъ нераздѣльно, и первое безъ второго существовать не могло. Онъ писалъ: „Покровительствуемая самодержавіемъ, она (Церковь) благословляла его. Двѣ власти эти согласно заявляли, что и та и другая, основанныя на „Божественномъ правѣ, равно обезпечивающемъ имъ вѣчность, необходимы для Россіи. Православіе и самодержавіе представлялись, какъ два единства различимыхъ лика русской національности". Въ доказательство этого своего совершено произвольнаго утвержденія, аббатъ д'Эрбиньи не постѣснялся даже представить въ ложномъ видѣ событія русской революціи и наклеветать на вѣрую-

щій народъ, заявивъ слѣдующее: „Это смѣшеніе (Православія и самодержавія), продолжавшееся вѣка, вполнѣ естественно вызвало то, что враждебное отношеніе со стороны народа задѣло одновременно оба эти учрежденія“ [1]).

Московскій корреспондентъ газеты „Temps“ Pierre Berland (судя по нѣкоторымъ его статьямъ вѣрующій католикъ), прожившій въ Россіи 15 лѣтъ при совѣтскомъ строѣ, въ апрѣлѣ прошлаго 1937 года какъ разъ писалъ о томъ, что всѣ насилія коммунистовъ надъ Церковью совершались **во преки желанію массъ**, причемъ онъ указывалъ, что и закрытіе многихъ храмовъ явилось результатомъ явнаго принужденія, а отнюдь не добровольнаго рѣшенія жителей селъ и городовъ.

Во-вторыхъ о. д'Эрбиньи твердо былъ увѣренъ, что русскій народъ, въ сущности, самъ не

---

[1]) Выводы и заключенія аббата д'Эрбиньи, столь несоотвѣтствующіе бывшему и настоящему положенію вещей въ СССР, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ недавнимъ событіямъ въ Испаніи. Авторитетъ Рима не могъ защитить Католической Церкви въ этой странѣ отъ стихійно разлившейся ненависти массъ. Именно въ Испаніи **народъ** жестоко и страшно расправлялся съ духовенствомъ, съ монашествующими; жегъ храмы и монастыри, совершалъ неслыханныя насилія, не щадилъ отъ звѣрскаго глумленія не только живыхъ членовъ Церкви, но даже погребенныхъ останковъ умершихъ. Православная Церковь въ Россіи, много разъ въ теченіе своей исторіи выступавшая и противъ самодержавныхъ властителей на защиту христіанской человѣчности, въ моментъ революціи и при дальнѣйшемъ ея развитіи, защищала **только вѣру въ Христа**, а не тотъ или иной политическій режимъ. Наши священники, въ противоположность католическимъ въ Испаніи, не хватались ни за винтовки, ни за пулеметы.

понимаетъ, во что онъ вѣритъ. Этому народу нужна и дорога лишь внѣшняя обстановка его храмовъ, **дорога по привычкѣ**, какъ дорого все бытовое въ русскомъ церковномъ обиходѣ. Онъ писалъ:

„Народъ не разбирается: онъ молится въ церк„вахъ Василія Блаженнаго, Св. Харитона, Св. Ѳео„дора Студита, во всѣхъ старыхъ монастыряхъ, „онъ не безпокоится о догматахъ. Большинство „простого народа хочетъ священниковъ, которые „носили бы бороду и длинные волосы, и іерар„хію, всѣ епископы которой придерживались бы „безбрачія".

На основаніи этихъ двухъ предполагаемыхъ положеній, т. е. на неизбѣжномъ распадѣ русскаго Православія послѣ крушенія монархіи и на глубокомъ невѣжествѣ русскаго бытового благочестія, католическій Римъ и послѣ заката блестящей карьеры Монсеньора д'Эрбиньи продолжаетъ основывать не только свои будущіе разсчеты на будущую Россію, но и свою настоящую дѣятельность въ доступной его вліянію русской средѣ.

* * *

Въ первые годы революціи русскій народъ былъ абсолютно изолированъ отъ всего остального міра. Не было даже того обмѣна короткими письмами съ родственниками и друзьями заграницей, который сталъ возможенъ позднѣе. Почти не было и никакой иностранной информаціи въ газетахъ. Все, что совершалось тамъ, за совѣтскимъ рубежомъ, ощущалось русскими людьми

какъ невѣдомая жизнь на иной недоступной планетѣ.

Въ тяжелыхъ условіяхъ люди иногда любятъ мечтать... Для утѣшенія. Воображеніе творитъ образъ желаемаго, потомъ желаемое нерѣдко принимается за данное, за дѣйствительность, и возникаетъ легенда, которой страстно хочется вѣрить...

Такой легендой, которую не мало людей радостно передавали другъ другу, одинъ моментъ были „тайные“, „секретные“ разсказы о томъ, что западные христіане, и именно католики, издали переживая вмѣстѣ съ вѣрующими русскими людьми ихъ страданія и, вызванный этими страданіями, высокій религіозный подъемъ, готовы, наконецъ, отречься отъ поклоненія Риму, отъ догмата папской непогрѣшимости и, во имя Христа, соединиться со своими православными братьями. Передъ лицомъ наростающаго въ мірѣ грубаго и жаднаго матеріализма, передъ лицомъ осатанѣлаго безбожія встанетъ во весь свой духовный ростъ Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь. Не будетъ намѣстниковъ Христа на землѣ, требующихъ себѣ почти божескаго почитанія, а останутся лишь смиренные слуги Господа — епископы и священники, — которые въ братскомъ единомыслiи поведутъ свою паству по единому для всѣхъ пути Христовыхъ заповѣдей.

Въ русскихъ настроеніяхъ той эпохи нерѣдко прощупывался эсхатологическій привкусъ. Быть можетъ, его вліянію обязана была своимъ происхожденіемъ эта красивая легенда. Но можно предположить въ данномъ случаѣ и нѣкій внѣшній

поводъ, сыгравшій роль толчка, возбудителя фантазіи.

Не знаю какимъ путемъ, въ Россіи получило распространеніе письмо, нынѣ покойнаго, Малинскаго Архіепископа, Кардинала Мерсье, къ Святѣйшему Тихону. Письмо было замѣчательное. Каждая строчка его, каждое слово были полны **безусловной** любви, **безусловнаго** почитанія. Никакой тѣни конфессіональнаго раздѣленія: писалъ христіанинъ христіанину въ духѣ непоколебимой вѣры въ Христову истину, единую для всѣхъ, недопускающую никакихъ оговорокъ. Письмо было въ самомъ высокомъ и подлинномъ смыслѣ этого слова **православное**.

У многихъ тогда въ Россіи имя кардинала Мерсье было на устахъ. Его чтили, далекаго иностраннаго и инославнаго іерарха, почти какъ **своего**. Онъ и заслуживалъ этого. Но онъ былъ одинъ и единственный представитель высшаго римско-католическаго клира, который рѣшался утверждать безусловную святость христіанскаго подвига православнаго русскаго Первосвятителя.

Возвышенно настроеннымъ вѣрующимъ душамъ казалось, что кардиналъ Мерсье отражаетъ отношеніе **всего католическаго міра** къ Православію. Были и другіе частные, случайные поводы такъ думать, вѣрнѣе, хотѣть думать.

Въ совѣтскихъ тюрьмахъ и на совѣтской каторгѣ иногда оказывались въ одинаковыхъ условіяхъ католическіе и православные священники и это ихъ сближало. Однажды, со словъ очевидца, разсказывали, что въ камерѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, оказались вмѣстѣ патеръ изъ нѣмецкихъ коло-

ній и русскій священникъ изъ той же мѣстности. Оба они ждали разстрѣла. Передъ смертью другъ у друга исповѣдались, а потомъ православный причастилъ католика запасными Св. Дарами, принесенными съ собой въ тюрьму, и самъ причастился. И, будто бы, православный сказалъ: „Ты не бойся. Папы между нами нѣтъ и ты его не увидишь. Оба мы — только Христовы и оба передъ Нимъ предстанемъ".

Разсказъ правдоподобный. На вершинѣ очистительныхъ и возвышающихъ страданій „нѣсть эллинъ, ни іудей". Если не единство, то благожелательная человѣческая близость устанавливались въ условіяхъ тяжкихъ преслѣдованій за вѣру не только между инославными, но даже и между иновѣрными: передъ лицомъ тѣхъ, кто отрекался отъ Бога, цинично кощунствовалъ, невольно ощущали и сознавали свою общность всѣ вѣрующіе въ Бога: держались вмѣстѣ, помогали другъ другу раввины и муллы, а не только христіане.

Духовный опытъ вѣрующей Россіи за годы революціи накопился огромный. Вынужденное молчаніе угнетенной страны держитъ его **подъ спудомъ**. Тамъ въ глубинѣ душъ, все претерпѣвшихъ за Христа, таятся великія сокровища, намъ невѣдомыя, быть можетъ, даже нами невообразимыя. Гдѣ-то въ тайникахъ русской религіозной жизни, вѣроятно, передаются изъ устъ въ уста и свидѣтельства о новыхъ святыхъ, живыхъ и умершихъ, большею частью мученически окончившихъ свой земной путь; хранится если не писаніе, то преданіе о подвигѣ Церкви.

Въ нашу удаленность отъ Россіи изрѣдка до-

летаютъ только отдѣльныя искры того пламени вѣры, которымъ живетъ и свѣтится тамъ потаенная жизнь въ Богѣ. Поверхностно скользящій взглядъ до нея не досягаетъ. Лишь иногда вдругъ откроется чей-то образъ, освѣтитъ наше сознаніе, нашу совѣсть, а потомъ опять исчезнетъ, угаснетъ какъ свѣча на вѣтру, на сквознякахъ нашего далекаго отъ святости существованія.

Такъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ потрясавшемъ слушателей разсказѣ совѣтскаго „правозаступника", присяж. повѣреннаго Гуровича, засіялъ святой образъ разстрѣляннаго Петербургскаго Митрополита Веніамина. Адвокатъ-еврей защищалъ въ Россіи передъ совѣтскимъ трибуналомъ православнаго епископа. И забыть его онъ уже не могъ. Взволнованъ былъ на всю жизнь, какъ онъ самъ говорилъ, „**встрѣчей со святымъ**". Даже не могъ записать никогда своего разсказа, а только могъ, вспоминая, говорить, весь трепеща отъ этихъ воспоминаній. Слушателямъ казалось, что онъ, адвокатъ, во время разсказа созерцаетъ какое-то видѣніе. Разсказъ длился часовъ пять, но ни говорившій, ни аудиторія времени не замѣчали. Это было прикосновеніе къ тому непостижимому для насъ духовному міру истиннаго христіанства, которымъ держалась и держится, вопреки всему, Русская Церковь.

Гуровичъ скончался. Ни одной строчки о видѣнномъ и пережитомъ имъ онъ не оставилъ. И тѣ, кто слушалъ, **забыли**. Если-же не забыли окончательно **фактовъ** разсказа, то до конца утратили пережитое ими ощущеніе святости, прикосновенія къ ней, то, что такъ волновало адво-

ката - еврея и не поддавалось изложенію на бумагѣ.

Надо думать, что и среди католиковъ были люди когда-нибудь прикоснувшіеея къ тайнѣ великаго духовнаго преображенія, которое спасаетъ Русскую Церковь отъ всѣхъ вражескихъ ударовъ. Во всякомъ случаѣ католическій міръ, столь внимательно старающійся слѣдить за религіозной жизнью въ нашей странѣ, долженъ былъ бы понять, что тамъ, за крѣпко оберегаемой совѣтской границей, гдѣ лежатъ „эти земли съ ихъ 160.000.000 жителей", гдѣ намека не осталось ни отъ какого союза Православія съ самодержавіемъ, а Церковь тѣмъ не менѣе живетъ и дѣйствуетъ,—есть нѣчто достойное безкорыстнаго вниманія всѣхъ христіанъ.

Хотя-бы одинъ только опытъ неравной борьбы до зубовъ вооруженнаго государства съ абсолютно безправной Церковью, опытъ длящійся двадцать первый годъ и не приводящій къ побѣдѣ физической силы, развѣ не заслуживаетъ вниманія?

Православіе въ Россіи, по словамъ Монсиньора д'Эрбиньи, **„подчиняясь законамъ логики"**, давно должно было-бы исчезнуть.

Но съ поѣздки въ Москву представителя Ватикана прошло уже двѣнадцать лѣтъ... Значитъ, законы логики, столь вѣскіе и убѣдительные для католически мыслящихъ людей, оказываются **чѣмъ-то** опрокинутыми.

Чѣмъ-же?

Вотъ тутъ, казалось-бы, и могло возникнуть естественное и искреннее желаніе сближенія съ тѣми, кто побѣждаетъ вопреки логикѣ. Во всемъ

мірѣ христіанство стоитъ подъ угрозой. Война объявлена ему отнюдь не въ одномъ С. С. С. Р. Можно даже сказать, что именно въ С. С. С. Р., гдѣ противъ вѣры **открыто** поднято оружіе атеизма, положеніе въ духовномъ отношеніи менѣе опасно, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ христіанская вѣра систематически извращается въ самомъ существѣ своемъ, подмѣниваясь идолами фашизма и націонализма.

Внѣшняя твердыня Ватикана какъ будто не поколеблена еще, но въ нѣкоторыхъ частяхъ духовной католической имперіи Римъ потерпѣлъ тяжкое пораженіе и онъ не можетъ этого не учитывать.

Послѣ поѣздки о. д'Эрбиньи мы не слышали новой оцѣнки русскаго Православія со стороны болѣе или менѣе оффиціальныхъ круговъ католическаго міра пока, наконецъ, черезъ двѣнадцать лѣтъ, въ католической газетѣ „La Croix“ не начались печататься очерки новаго корреспондента, посѣтившаго на этотъ разъ не только Москву, но ознакомившагося съ Россіей въ болѣе широкомъ масштабѣ.

Авторъ этихъ очерковъ Olav Leroi, повидимому, не былъ облеченъ никакой **оффиціальной миссіей** и не принадлежитъ къ числу представителей духовенства. Надо думать, что онъ поѣхалъ въ С. С. С. Р. въ качествѣ иностраннаго журналиста, довольно близко наблюдалъ тамошнюю жизнь и сумѣлъ во многихъ отношеніяхъ въ нее вглядѣться. Первыя двѣ его статьи [1]) должны были

[1]) „La Croix“, Nr. 16851 dimanche-lundi, 16-17 janvier Nr. 16852 mardi, 18 janvier et la suite.

произвести на всѣхъ православныхъ читателей довольно отрадное впечатлѣніе общимъ своимъ тономъ.

Вмѣсто предвзятаго и, подъ маской смиренія, плохо скрываемаго пренебрежительнаго подхода къ процессамъ, совершающимся въ глубинахъ русской жизни, который такъ характеренъ для книги д'Эрбиньи, Олавъ Леруа, какъ могло показаться съ первыхъ строкъ его очерковъ, какъ будто съ открытымъ сердцемъ, съ непредубѣжденнымъ вниманіемъ воспринималъ факты и подводилъ итоги своимъ впечатлѣніямъ. Было даже странно и непривычно читать **такую** оцѣнку русскому духовенству на страницахъ католическаго органа... Но такъ могло именно только казаться по двумъ первымъ его статьямъ. Серія его очерковъ такъ и начинается съ заглавія: **„Новое поколѣніе священниковъ“**, и дальше слѣдуетъ разъясненіе: „православные священники нашихъ дней, въ результатѣ революціи, являются антиподами своихъ вчерашнихъ предшественниковъ“.

„Очень трудно точно опредѣлить нынѣшнее по„ложеніе Православной Церкви въ Россіи“, пи„шетъ Леруа. „По правдѣ сказать, она сама его не „знаетъ. Несомнѣнно лишь то, что невообразимое „мужество и сила устойчивости позволили ей пе„режить и вынести натискъ ужасающаго террора. „Церковь сознаетъ, такъ же какъ и красное прави„тельство, что между нимъ и ею идетъ борьба за „душу молодежи и въ этомъ отношеніи она сумѣ„ла занять удачную позицію для достиженія намѣ„ченной цѣли“.

Дальше Леруа говоритъ о томъ, что новые па-

стыри въ Россіи подготовляются не въ богословскихъ школахъ, которыхъ не существуетъ. Идутъ они на свое служеніе по убѣжденію и призванію и готовятся „подъ руководствомъ прежнихъ священниковъ“[1])

Новаго типа русскіе пастыри, по словамъ корреспондента „La Croix“, могутъ быть раздѣлены на три категоріи. „Одни изъ нихъ существуютъ „физическимъ трудомъ. Это люди въ возрастѣ „отъ 30 до 45 лѣтъ. Въ свое время они были за„хвачены вихремъ революціи и отдавались изуче„нію марксизма и потому теперь на диспутахъ, ко„торыми они руководятъ (диспутахъ въ защиту „религіи) можно слышать, какъ въ спорѣ со свои„ми противниками они цитируютъ Маркса, Энгель„са и другихъ идеологовъ марксизма. Живутъ они „въ смиренной скромности и, закончивъ свою ра„боту, отдаются своимъ духовнымъ обязанностямъ. „Они пользуются подлиннымъ духовнымъ автори„тетомъ, умѣютъ по настоящему привлекать души“.

Леруа говоритъ о томъ, что еще нѣсколько лѣтъ назадъ такихъ священниковъ можно было встрѣтить на совѣтской службѣ въ Оссовіахимѣ, гдѣ они на занятіяхъ спортомъ сближались съ молодежью и оказывали на нее вліяніе.

Между прочимъ, Леруа указываетъ на тотъ же фактъ, на который съ раздраженіемъ ссылается въ своемъ отчетѣ предсѣдатель „Союза безбожниковъ“, Ярославскій, жалующійся, что „попы“ въ своей активности достигаютъ большихъ результатовъ въ дѣлѣ организаціи прекрасныхъ церковныхъ хоровъ численностью до 100-150 человѣкъ.

[1]) Насколько намъ извѣстно, готовящійся къ рукоположенію будущій пастырь обычно въ теченіе года живетъ при епископѣ.

Отъ Леруа мы узнаемъ, что эти хоры выступаютъ и въ свѣтскихъ концертахъ съ прекрасно подобранными программами старинныхъ русскихъ пѣсенъ и завоевываютъ себѣ большой художественный успѣхъ у публики, достигаютъ извѣстности. Составлены они изъ рабочихъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Леруа подчеркиваетъ значеніе этой категоріи духовенства, развертывающей свою дѣятельность среди городского населенія, говоря, что эти священники **„сумѣли себѣ обезпечить во многихъ городахъ очень серьезное вліяніе въ средѣ молодежи“.**

Другую категорію составляютъ странствующіе пастыри, вѣроятно, тѣ самые, которыхъ безбожники называютъ „попы-передвижки“. Большинство изъ нихъ, по словамъ автора очерковъ, принадлежитъ къ старымъ священникамъ, лишеннымъ по тѣмъ или инымъ причинамъ права жительства въ большихъ городахъ. „По недостатку „денежныхъ средствъ“, пишетъ онъ, „они двига„ются пѣшкомъ по горамъ и доламъ изъ города „въ городъ, изъ села въ село, изъ колхоза въ „колхозъ черезъ всю страну, обслуживая духовныя „потребности вѣрующихъ. Во имя Христово они „обходятъ тѣ мѣстности, гдѣ больше не осталось „храмовъ, и населеніе ихъ кормитъ. Запрещеніе „жить въ колхозахъ [1]) лишаетъ ихъ права на ноч„легъ, и съ наступленіемъ вечера они продолжа„ютъ свой путь. Неоднократно многіе изъ нихъ

[1]) Намъ кажется, что авторъ не совсѣмъ правильно распространяетъ это запрещеніе на всѣ колхозы, тѣмъ болѣе, что во многихъ изъ нихъ имѣются приходскіе храмы и священники.

„были арестованы и ссылаемы. Но самая суро-„вость ихъ страннической жизни со всѣми ея ли-„шеніями, съ нищенскимъ питаніемъ закалила не „только ихъ душу, но и тѣло. И, если они возвра-„щаются вновь въ тотъ районъ, откуда ихъ высы-„лали, они каждую минуту подвергаются опасности „разстрѣла".

Третью категорію составляютъ священники сельскихъ приходовъ.

Леруа подчеркиваетъ рѣзкое отличіе нынѣшня-го сельскаго духовенства отъ прежняго, дорево-люціоннаго. Теперешній деревенскій священникъ слѣдитъ за жизнью. Онъ читаетъ книги, слушаетъ радіо-передачу, посѣщаетъ свою паству, для кото-рой онъ является не только служителемъ алтаря, но и лѣкаремъ и совѣтникомъ въ разныхъ дѣлахъ и вопросахъ. Крестьяне во всѣхъ трудныхъ случа-яхъ прибѣгаютъ къ своему пастырю, и нерѣдко священникъ выступаетъ въ качествѣ составителя жалобы или просьбы, обращаемой къ властямъ, когда мужикъ нуждается въ защитѣ отъ притѣс-неній какого нибудь зазнавшагося мѣстнаго ком-муниста. Леруа указываетъ на несомнѣнное куль-турное превосходство сельскаго духовенства надъ коммунистическими руководителями деревни и на превосходство его авторитета въ глазахъ населе-нія: „Во время дискуссій,—пишетъ онъ,—въ кото-„рыхъ коммунисты прибѣгаютъ къ своей крайне „примитивной аргументаціи, священники всегда „одерживаютъ побѣду. Это происходитъ регуляр-„но. „**Комсомольская Правда**", многократно кон-„статировавшая этотъ фактъ, горько жалуется на „культурное превосходство духовенства. Ибо это

„духовенство тоже читаетъ „Правду“ и тщательно „изучаетъ безбожную литературу“.

Деревенскіе священники. можетъ быть, больше всѣхъ остальныхъ страдаютъ отъ злобы и произвола мѣстныхъ властей. Любой комиссаръ, по словамъ Леруа, будто-бы имѣетъ право сослать священника въ Сибирь и не всегда населенію удается встать на его защиту.

„Ненависть коммунистовъ съ особенной яростью „обрушивается на тѣхъ представителей клира, ко„торые, въ періодъ между 1917 и 1926 годами, „служили въ красной арміи и получили за свои „выдающіяся служебныя заслуги почетные знаки „отличія, а позднѣе, по добровольному призванію, „въ силу искренняго внутренняго убѣжденія, при„няли священническій санъ...

„Такихъ людей никакъ нельзя сопричислить къ „категоріи государственныхъ измѣнниковъ, тѣмъ „болѣе, что знаки отличія, которые они носятъ, являются очевиднымъ свидѣтельствомъ ихъ добле„сти. Уваженіе и довѣріе населенія къ такимъ па„стырямъ очень велико“. Но авторъ замѣчаетъ, что никакія заслуги прошлаго никому въ совѣтской Россіи не гарантируютъ безопасности, и достаточно бросить человѣку обвиненіе въ „троцкизмѣ“ для того, чтобы его участь была рѣшена.

Свой первый очеркъ о „Новомъ поколѣніи русскихъ священниковъ“ авторъ заключаетъ разъясненіемъ—почему это новое поколѣніе духовенства столь рѣзко отличается по своимъ качествамъ отъ прежняго дореволюціоннаго клира.

„Прежде всего,—пишетъ онъ,—самое принятіе „священства въ нынѣшнихъ условіяхъ въ Россіи

„требуетъ отъ человѣка исключительной рѣшимо-
„сти и мужества и нечеловѣческой высоты духов-
„ной жизни. А, кромѣ того, нынѣшнее русское ду-
„ховенство поняло повелительную необходимость
„внести свою долю участія въ устремленіе къ бо-
„лѣе справедливымъ соціальнымъ условіямъ жиз-
„ни. Полная безучастность къ этимъ вопросамъ
„прежняго русскаго духовенства обличала въ дан-
„номъ случаѣ большую несостоятельность Русской
„Церкви до 1917 года. И, если религіозныя пре-
„слѣдованія въ Россіи когда-нибудь прекратятся,
„то со всей несомнѣнной очевидностью обнару-
„жится, насколько страданія очистили Православ-
„ную Русскую Церковь".

Во второмъ своемъ очеркѣ Леруа говоритъ о положеніи вѣрующихъ въ Россіи, о религіозномъ чувствѣ въ народѣ, которое **„совсѣмъ не отошло въ прошлое въ Россіи сегодняшняго дня, какъ бы того горячо желали ея нынѣшніе хозяева"**, эти хозяева „оказались вынужденными, „подъ неослабѣвающимъ давленіемъ вѣрующаго „населенія, согласиться на легализацію и регистра-„цію всѣхъ религіозныхъ общинъ, насчитывающихъ „не менѣе двадцати членовъ [1]) въ своемъ составѣ".

Онъ перечисляетъ тѣ затрудненія, какими обставлена церковная жизнь въ СССР, гдѣ Церковь лишена всякаго права собственности и гдѣ вѣрующимъ приходится снимать храмы въ аренду, при чемъ плата за нихъ устанавливается произвольно

[1]) Авторъ очевидно имѣетъ въ виду такъ называемыя на совѣтскомъ языкѣ „двадцатки", тѣ 20 представителей отъ каждаго прихода, которые являются отвѣтственными за него лицами и регистрируются въ вѣдомствѣ культовъ.

и всегда достигаетъ очень высокихъ размѣровъ.

Чтобы покрыть расходы по найму помѣщенія, необходимы огромныя суммы. Онѣ составляются цѣликомъ изъ добровольныхъ пожертвованій. Но „несмотря на героическое безкорыстіе и невѣ-„роятное самоотверженіе христіанскаго населенія, „многія изъ общинъ не имѣютъ возможности обез-„печить матеріальное положеніе своихъ священни-„ковъ именно благодаря затратамъ на содержаніе „и наемъ храма".

Леруа разсказываетъ, что очень часто священники ищутъ себѣ приватныхъ заработковъ, чтобы оплатить свое существованіе и нерѣдко духовные лица занимаютъ должности на совѣтской службѣ. При этомъ будто бы совѣтское начальство даже и не подозрѣваетъ, что то или иное значительное мѣсто бываетъ занято духовнымъ лицомъ. Авторъ очерковъ утверждаетъ слѣдующій фактъ, отнюдь будто бы не единичный, а именно: нѣкоторое время назадъ было обнаружено, что директоръ Лосиноостровской фабрики подъ Москвой оказался архіепископомъ Православной Церкви. Онъ называетъ даже его фамилію—Монсеньоръ Бережной, который „провелъ десять лѣтъ въ аду соловецкихъ острововъ" [1]).

По словамъ Леруа, можно найти большое количество священниковъ среди руководителей колхозовъ; они считаются просто очень вѣрующими православными и, слѣдовательно, скрываютъ свой

[1]) Такого епископа Русской Православной Церкви мы не знаемъ; приходится предположить, что авторъ очерковъ или былъ въ данномъ случаѣ плохо освѣдомленъ, или же по ошибкѣ называетъ **епископомъ** одного изъ бывшихъ обновленческихъ лже-іерарховъ.

санъ. Скрываютъ ли они его только отъ совѣтскаго начальства, или даже отъ членовъ своего колхоза—Леруа не поясняетъ, но лишь говоритъ, что такіе священники отъ времени до времени переселяются изъ одного колхоза въ другой.

Изъ всѣхъ видовъ религіозныхъ гоненій отобраніе храмовъ, превращаемыхъ въ синема и дансинги, или ихъ полное разрушеніе казалось со стороны наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ паденія религіознаго чувства въ русскомъ народѣ. Не одни только безбожники утѣшали себя статистикой такого рода „достиженій"; весь христіанскій міръ, лежащій за предѣлами СССР, даже подавляющее большинство русской православной эмиграціи на этомъ фактѣ катастрофическаго уменьшенія домовъ молитвы строили самые пессимистическіе выводы въ смыслѣ ослабленія и умаленія христіанской вѣры въ Россіи, считали Церковь Русскую, если не уничтоженной до конца, то во всякомъ случаѣ духовно побѣжденной марксизмомъ и матеріализмомъ, безпомощно сдающей свои позиціи врагамъ религіи.

Но съ нѣкоторыхъ поръ сами руководители безбожной пропаганды стали догадываться, что **„количествомъ разрушенныхъ храмовъ далеко не опредѣляется успѣхъ разрушительныхъ усилій на „безбожномъ фронтѣ"**. Не такъ давно Ярославскій въ своемъ отчетѣ указалъ на очень значительный фактъ. Въ новыхъ городахъ, построенныхъ совѣтской властью на мѣстахъ новыхъ промышленныхъ центровъ, въ родѣ Магнитогорска, населеніе которыхъ главнымъ образомъ состоитъ изъ рабочихъ и техническихъ спе-

ціалистовъ, конечно, никакихъ **церковныхъ** зданій нѣтъ. Не можетъ быть въ такихъ городахъ и сохранившихся отъ прежняго времени „пережитковъ стараго быта" — не откуда имъ взяться. И вотъ, тѣмъ не менѣе, Ярославскій вынужденъ удостовѣрить, что въ этихъ новыхъ очагахъ совѣтской цивилизаціи религія живетъ, не малое количество населенія не только вѣруетъ въ Бога, но и „исполняетъ церковные обряды". Руководитель союза безбожниковъ объясняетъ, что религіозныя нужды жителей такихъ городовъ обслуживаются странствующими священниками.

Но, быть можетъ, въ поселеніяхъ, насчитывающихъ нѣсколько тысячъ или даже десятковъ тысячъ жителей, есть и свои тайные храмы и тайные пастыри, которые, внѣ своихъ пастырскихъ обязанностей, работаютъ наравнѣ съ другими жителями города или поселка на мѣстныхъ предпріятіяхъ.

Леруа, который по словамъ газеты, печатавшей его статьи, основывается не на случайныхъ фактахъ, попавшихъ въ поле зрѣнія туриста, а на серьезномъ изученіи совѣтской жизни **изо дня въ день**, увѣряетъ, что 40 храмовъ[1]) уцѣлѣвшихъ въ Москвѣ изъ прежнихъ 800, отнюдь не являются единственными домами молитвы для русской столицы, населеніе которой теперь, какъ мы знаемъ, значительно увеличилось. Католическій корреспондентъ разсказываетъ о многихъ временныхъ церковкахъ, помѣщающихся въ жилыхъ домахъ; устройство ихъ настолько несложно,

[1]) По свѣдѣніямъ голландца, д-ра Хендрикса, ежегодно посѣщающаго Москву въ дни Страстной недѣли и Пасхи, побывавшаго тамъ и въ 1938 году, въ Москвѣ осталось открытыми всего 24 храма.

что не можетъ вызвать никакихъ подозрѣній. Имѣются храмы также и въ сараяхъ и въ другихъ постройкахъ такого типа. Всѣ они, главнымъ образомъ, расположены на окраинахъ Москвы, и рабочее населеніе тщательно и дружно ихъ охраняетъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ, Леруа ссылается на слова Ярославскаго, говоря: **„Предсѣдатель безбожниковъ не такъ давно самъ долженъ былъ признать, что въ Москвѣ храмовъ больше чѣмъ синема**[1]) „Характеризуя дѣятельность русскаго православнаго духовенства, Леруа говоритъ, что въ проповѣдяхъ своихъ, помимо вопросовъ чисто вѣроучительныхъ, священники всячески опровергаютъ безбожныя утвержденія о томъ, что христіанство есть религія „антисоціальная", указываютъ, что Христосъ приходилъ на землю вовсе не для „богатыхъ", какъ учатъ большевики, а больше всего для бѣдныхъ и обездоленныхъ, и что Церковь именно и утверждена на Христовой истинѣ. Особенное раздраженіе коммунистовъ вызываютъ проповѣди о томъ, что христіанская религія есть религія мира и утвержденіе мира на землѣ есть миссія христіанства. За свои смѣлые проповѣди пастыри Русской Церкви нерѣдко платятся жизнью.

Отношеніе вѣрующихъ къ духовенству неузнаваемо измѣнилось послѣ революціи. Русскій православный человѣкъ уже не смотритъ на своего свя-

[1]) Появившіяся въ газетахъ (май 1938 г.) сообщенія о новыхъ преслѣдованіяхъ православнаго духовенства въ СССР говорятъ о томъ, что въ числѣ „преступленій" приписываемыхъ епископамъ и священникамъ, указано (на ряду съ массовымъ крещеніемъ дѣтей и подростковъ) и устройство „тайныхъ храмовъ".

щенника какъ на государственнаго чиновника, обезпеченнаго казеннымъ жалованьемъ: въ его глазахъ пастырь — подвижникъ и герой, готовый каждую минуту положить свою жизнь за Христа. И потому неудивительно видѣть довѣріе вѣрующихъ къ своимъ пастырямъ, довѣріе необыкновенно возросшее именно за послѣдніе годы.

Разсказываетъ Леруа и о тѣхъ священникахъ, которыхъ долгіе годы каторги превратили въ полнѣйшихъ инвалидовъ. Это—старики, надорванные муками, а потому освобожденные и выброшенные безъ всякой помощи на улицы города. Они не имѣютъ своего угла. Ихъ можно видѣть въ рубищахъ, молящимися на глазахъ толпы около превращенныхъ въ клубы и дансинги храмовъ. „Эти мученики“ — пишетъ Леруа—„живутъ и питаются щедростью населенія“.

Едва-ли правъ католическій наблюдатель, принимая за **душевно больныхъ** этихъ нищенствующихъ служителей Христа, которые ходятъ по улицамъ съ непрерывной молитвой на устахъ, могутъ становиться на колѣни передъ осквернеными храмами прямо на снѣгъ и, углубленные въ себя, не замѣчаютъ окружающей жизни, какъ не замѣчаютъ и своей нищеты. Православіе на своихъ путяхъ знаетъ разные виды подвиговъ, въ томъ числѣ и бездомное странничество и даже юродство, ничего общаго не имѣющее съ психическими ненормальностями... Кто знаетъ? Можетъ быть, нѣкоторые изъ этихъ нищенствующихъ старцевъ возложили на себя обѣтъ отмаливать ту богоненавистническую помраченность, которая отдала святыню храмовъ на глумленіе невѣрующимъ пар-

тійцамъ. Во время ноябрьскихъ торжествъ они были высланы, какъ передаетъ Леруа, изъ Москвы и Ленинграда, чтобы не создавать неблагопріятнаго впечатлѣнія въ глазахъ иностранцевъ и, тѣмъ не менѣе, они опять возвратились, не заботясь объ опасности, продолжать свои молитвы около оскверненныхъ храмовъ.

„Эти герои приговорили къ смерти совѣтскій строй".—Такими словами заключаетъ авторъ свой второй очеркъ о жизни православной Россіи.

При сопоставленіи того, что писалъ о Православной Церкви въ Россіи двѣнадцать лѣтъ назадъ аббатъ Михаилъ д'Эрбиньи съ пересказаннымъ нами въ самыхъ существенныхъ чертахъ содержаніемъ двухъ первыхъ очерковъ Олава Леруа, съ перваго взгляда приходится испытать глубокое радостное изумленіе.

Неужели католическій міръ **наконецъ дѣлаетъ попытку** понять и оцѣнить духовную силу истиннаго Православія, его самоотверженную преданность всей полнотѣ Христова ученія, его **творческую жизненность**, путемъ любви и подвига стремящуюся къ преображенію не только отдѣльныхъ вѣрующихъ душъ, но и всѣхъ отношеній въ человѣческомъ обществѣ, къ созданію возможныхъ на землѣ условій соціальнаго міра?

Самый фактъ напечатанія статей Леруа въ католической газетѣ, которую читаетъ все французское духовенство, включая работающихъ въ разныхъ странахъ миссіонеровъ, содержаніемъ которой интересуются вообще вѣрующіе католики во Франціи, — самый этотъ фактъ какъ будто дол-

женъ подтверждать наше оптимистическое предположеніе...

И такъ, значитъ, въ какой-то мѣрѣ католическіе руководящіе круги (безъ согласія которыхъ статьи Леруа едва-ли могли бы быть напечатаны на страницахъ католической газеты) отреклись отъ того презрительнаго, сверху-внизъ, отношенія къ русскихъ „схизматикамъ", которые превозносятся своей вѣрностью древне-апостольской Церкви, а на самомъ дѣлѣ утонули въ темнотѣ, въ невѣжествѣ, въ закорузломъ обрядовѣріи, въ неподвижности богословской мысли, до конца утратили сознаніе и чувство вселенскости, замѣнивъ его узкой, чисто территоріальной государственно-національной церковностью?

Да, тонъ статей Леруа просто несовмѣстимъ съ тономъ аббата д'Эрбиньи. Послѣдній брезгливо оглядывался вокругъ себя, живя въ Москвѣ и смотря на „тихоновскихъ" епископовъ и духовенство. Исключеніе онъ дѣлалъ только для такихъ во всѣхъ смыслахъ „модернистовъ", какъ женатый лже-митрополитъ Введенскій. Отъ Введенскаго не отталкивало аббата д'Эрбиньи даже такое обстоятельство, что совѣтскій этотъ „выдвиженецъ" въ духовномъ санѣ получилъ отъ православныхъ людей кличку Іуды за открытое предательство митрополита Веніамина, невинно разстрѣляннаго въ годы военнаго коммунизма.

Леруа, въ противовѣсъ д'Эрбиньи, пишетъ, о русскихъ священникахъ **восторженно**. Его очерки полны самыхъ хвалебныхъ эпитетовъ по адресу русскихъ пастырей. Ихъ мужество, самоотверженіе, безстрашіе передъ лицомъ страданій и

смерти, преданность Христу онъ опредѣляетъ такими словами какъ „сверхъестественный“, „небывалый“, „нечеловѣческій“, „невообразимый“. Восхищаясь русскимъ церковнымъ пѣніемъ и молитвеннымъ духомъ русскихъ богослуженій, онъ, напримѣръ, говоритъ: „Я часто слышалъ отъ мно„гихъ иностранцевъ, что молитвенный подъемъ „русскихъ христіанъ во время богослуженій непо„стижимо превосходитъ собою все подобное у ино„странцевъ.“

И, однако, при наличіи несомнѣннаго восхищенія и силой православной вѣры и качествами церковной Россіи, Леруа **въ существѣ своего интереса къ религіозной одаренности русскаго народа остается на той же точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ д'Эрбиньи, съ которой не сдвинулся и весь правящій римскій епископатъ въ разгаръ такъ называемаго заступничества Ватикана за гонимую Русскую Церковь, когда во всѣхъ католическихъ храмахъ всего міра одновременно совершались молитвы о помилованіи страдающихъ русскихъ христіанъ и объ обращеніи ихъ въ римскую вѣру.**

Русскій вѣрующій народъ—законное достояніе Рима, которымъ необходимо завладѣть. Этотъ лозунгъ остается неизмѣннымъ въ теченіе вѣковъ и до послѣднихъ дней.

Леруа поддерживаетъ его съ неменьшей силой, чѣмъ д'Эрбиньи; онъ выражается въ своей заключительной статьѣ даже гораздо рѣшительнѣе и откровеннѣе. Различіе между ними только въ томъ, что оба эти католическихъ изслѣдователя

русской церковной жизни приходятъ къ одинаковому выводу изъ противоположныхъ оцѣнокъ ими видѣннаго.

Д'Эрбиньи призрачно намекаетъ на возможность подчинить „эти земли съ ихъ 160.000.000 жителей“ римскому престолу, потому что Церковь Русская находится въ состояніи распада, а народъ въ невѣжествѣ своемъ самъ не знаетъ во что вѣрить и цѣпляется лишь за привычную видимость внѣшняго обряда. Въ глазахъ д'Эрбиньи Россія—сырой, грубый матеріалъ; русскіе люди—духовно дикій народъ; революція, которая не защищаетъ даже Православія, а враждебна ему,—подходящій моментъ для религіозной интервенціи. Леруа исходитъ отъ обратнаго — отъ высокихъ качествъ русскаго православія. **Нельзя упускать такого богатства, такихъ сокровищъ религіознаго духа** — вотъ основной паѳосъ автора статей въ „La Croix“.

Когда православный читатель съ волненіемъ слѣдитъ за разсказомъ о жизни Русской Церкви, осіянной ѳаворскимъ свѣтомъ, радуется тому, что его западные братья-христіане увидятъ хотя бы отдаленный отблескъ этого свѣта, ему и въ голову не приходитъ, передъ какими по истинѣ неожиданными и непостижимыми выводами изъ сказаннаго поставитъ его католическій авторъ.

Послѣдній очеркъ Леруа, называющійся „**Будущее католичества въ Россіи**“, является ключемъ ко всему написанному. Авторъ несравнимо откровеннѣе монсеньора д'Эрбиньи: онъ прямо говоритъ **ради какихъ цѣлей** онъ ѣздилъ въ Россію. У него, конечно, не было полномочій ни

на какіе переговоры; его задачей являлась обстоятельная развѣдка. И развѣдку эту онъ тщательно и добросовѣстно произвелъ; (правда, не во всѣхъ направленіяхъ, но объ этомъ скажемъ дальше). Результаты ея не только его не обманули, но превзошли даже всѣ самыя лучшія ожиданія: Россія свѣтится и сіяетъ невиданнымъ въ наши дни по высотѣ христіанскимъ духомъ, а слѣдовательно... она должна принадлежать Риму! Леруа такъ горитъ этой идеей, что совершенно даже забываетъ о комъ и о чемъ идетъ рѣчь. Кажется, какъ будто онъ имѣетъ въ виду не живыхъ существъ, **людей живущихъ и умирающихъ во имя вѣрности Православной Христовой Церкви**, а какія-то неодушевленныя цѣнности, которыя нужно и можно будетъ придти и взять, лишь только падетъ насильническій строй сталинской диктатуры и широко распахнутся двери въ свободную Россію.

Леруа въ своей преданности Римской Церкви, исключающей всякое пониманіе Православія, доходитъ почти до **безсознательнаго цинизма** въ своихъ мечтахъ о будущихъ пріобрѣтеніяхъ Рима.

Подводя итоги своимъ впечатлѣніямъ отъ русскаго духовенства онъ говоритъ: „Двадцать истек„шихъ лѣтъ не могли произвести болѣе рѣши„тельнаго измѣненія въ рядахъ русскаго клира, „чѣмъ то, которое обнаруживается сегодня. Въ „Россіи становится священникомъ лишь тотъ, кто „обладаетъ сверхъестественнымъ мужествомъ и доб„лестью, кто горитъ непобѣдимой ревностью бо„жественной истины и вѣрой въ божественное „всемогущество. Дѣйствительно, православные

„священники стали вновь истинными пастырями; „тѣ, которые несутъ это служеніе въ деревняхъ, „одушевлены въ ихъ ревностной заботѣ о ду„шахъ своихъ пасомыхъ буквально сверхъесте„ственнымъ рвеніемъ, — вмѣсто того, чтобы быть, „какъ прежде, чиновниками царскаго правитель„ства".

И дальше слѣдуетъ по-истинѣ замѣчательное признаніе:

„Какъ же не радоваться передъ лицомъ такого духовнаго превращенія если, одна только вѣрующая Россія сможетъ двинуть впередъ католичество?"

Статьи Леруа о православной Россіи въ какомъ то смыслѣ, напоминаютъ рѣчи Гитлера, перечисляющія естественныя богатства Украйны и Сибири.

Въ обоихъ случаяхъ разжигается воинственный пылъ, духъ захватническаго имперіализма, жажда добычи, звучитъ зовъ идти и взять.

Гитлеръ, кромѣ пушекъ и аэроплановъ, надѣется на ненависть народа къ Сталину.

Но на что же надѣется Леруа, призывая къ духовному завоеванію вѣрующаго русскаго народа?

Онъ почему то утверждаетъ, что послѣдніе 20 лѣтъ „сблизили Римъ и Православную Церковь гораздо больше чѣмъ два истекшихъ столѣтія" (?) и прямо говоритъ, что при наступленіи конца большевизма „католичество найдетъ въ Россіи великолѣпно подготовленную почву для своей апостольской миссіи" (?).

Разсужденія Леруа на эту тему достойны вниманія.

Слѣдовало бы привести полностью и въ точномъ переводѣ эти разсужденія католическаго журналиста, настолько они характерны для самоувѣренной нечуткости Рима, для его окостенѣлой въ своей гордынѣ слѣпой самодостаточности. Но, къ сожалѣнію, изъ соображеній особаго порядка, перепечатываніе статей Леруа, **даже въ отрывкахъ**, воспрещено авторомъ и потому намъ придется, какъ и на предыдущихъ страницахъ, ограничиться пересказомъ, цитируя лишь отдѣльныя фразы и формулировки.

Оказывается, что одной изъ причинъ неуспѣха католичества въ старой императорской Россіи было враждебное отношеніе правительства и населенія къ полякамъ и взглядъ на католичество, какъ на польскую вѣру. Русскій народъ, живя подъ гнетомъ нужды и имѣя „смутныя религіозныя поня„тія, полученныя **отъ поповъ съ сомнительными „богословскими познаніями, видѣлъ въ лицѣ „римскаго папы смертельнаго врага, котораго „ему представляли, какъ угрозу для царской „власти" (??)** [1]).

„Рядовое русское духовенство не могло по не„вѣжеству своему подняться выше этихъ народ„ныхъ предразсудковъ, а что касается епископата, „то **русскіе епископы и архіепископы, бывшіе „ученики германскихъ университетовъ, въ**

[1]) Леруа и газета, печатавшая его очерки, вѣроятно слышали о Владимірѣ Соловьевѣ и о его теоріи „первосвященника (папы), царя и пророка"; какъ же они допускаютъ хотя бы предположеніе, что отталкиваніе отъ папизма въ Россіи обусловливалось угрозой послѣдняго царской власти?

большинствѣ своемъ были невѣрующими (des libres penseurs)".

Дальше мы узнаемъ о столь же неожиданномъ для насъ фактѣ, какъ и подготовка, „невѣрующаго" русскаго епископата въ нѣмецкихъ университетахъ, а именно **о склонности къ католичеству, какой то категоріи русской интеллигенціи изъ средняго общественнаго класса.** Основывается это „открытіе" на одномъ случаѣ, имѣвшемъ, по словамъ автора, мѣсто еще въ прошломъ столѣтіи и разсказанномъ, вѣрнѣе доложенномъ, начальству въ Римѣ, однимъ итальянскимъ патеромъ. Какая то русская дама, умирая въ Италіи, пожелала причаститься и позвала католическаго священника (вѣроятно, за отсутствіемъ православнаго). На заявленіе священника, что онъ не можетъ ее причастить, пока она формально не приметъ католичества, умирающая выразила удивленіе и сказала, что, по ея мнѣнію, нѣтъ никакого различія между Церквами православной и римской, кромѣ личнаго раздѣленія между духовенствомъ той и другой.

Комментируя этотъ эпизодъ, Леруа говоритъ: „впрочемъ, не надо ничего преувеличивать. Эта „категорія интеллигенціи средняго класса не была „многочисленна, и безпечность, свойственная боль„шинству русскихъ, явилась причиной малой актив„ности въ ихъ дѣйствіяхъ".

Перечисленные нами доводы Леруа въ пользу торжества Рима въ будущей Россіи относятся къ ея историческому прошлому.

Каковы же тѣ обстоятельства послѣднихъ

двадцати лѣтъ, которыя будто бы такъ осязательно приблизили побѣду папизма?

Леруа признаетъ, что собственная позиція Католической Церкви въ Россіи за эти годы не укрѣпилась. Онъ перечисляетъ лишь пять или шесть большихъ городовъ, въ которыхъ сохранились католическіе храмы. Количества духовенства римскаго онъ не указываетъ, и мы сами знаемъ, что оно въ СССР далеко немногочисленно.

Счастливымъ фактомъ Леруа считаетъ совмѣстное пребываніе въ мѣстахъ ссылки нѣкоторыхъ представителей православнаго и католическаго клира; общность страданій ихъ сблизила и въ бесѣдахъ между собой они будто бы убѣдились, что раздѣляющія ихъ вѣроисповѣдныя различія не столь уже существенны. Далѣе мы читаемъ, что нѣкоторые изъ католическихъ священниковъ, спасшихся изъ концентраціонныхъ лагерей, благодаря обмѣну ихъ на активныхъ заграницей коммунистовъ [1]), увѣряли, что будто бы **часть православныхъ священниковъ готова признать, что схизма является всецѣло виной православныхъ, а не католиковъ (??!).**

Наконецъ, послѣднее и главное основаніе для надеждъ Рима—„отсутствіе въ Православной Церкви высшаго руководства и управленія послѣ па-

[1]) Мы знаемъ факты обмѣна военноплѣнныхъ послѣ войны и обмѣнъ **арестованныхъ** заграницей коммунистовъ на арестованныхъ въ СССР иностранцевъ, но, кромѣ Германіи, въ послѣдніе годы, послѣ признанія СССР, не слышно ничего о такомъ обмѣнѣ, слѣдовательно, авторъ имѣетъ въ виду нѣчто происходившее лѣтъ 10—12 назадъ.

„денія монархіи, **ибо только царь и былъ Ея вер-**
„**ховнымъ руководителемъ и главой**". „Слишкомъ поспѣшно (sic!) поставленный въ патріархи Митрополитъ Тихонъ въ глазахъ Леруа не игралъ существенной роли, ибо „**одна часть духовенства не пожелала ему повиноваться**, а **другая сгруппировалась подъ властью разныхъ митрополитовъ**", такъ что русскіе священники и до сегодняшняго дня будто бы не знаютъ надъ собой никакого **іерархическаго** руководства.

Леруа пишетъ, что русскіе священники „**молят-**
„**ся отъ всей души, чтобы обрѣсти свѣтъ, спо-**
„**собный ихъ вывести изъ нынѣшнихъ затруд-**
„**неній и, еслиони изучатъ путь, ведущій въ**
„**Римъ, то безъ всякаго сомнѣнія, они его**
„**предпочтутъ всему остальному**" [1]).

Пока Леруа описываетъ факты, видѣнные его **собственными глазами**, онъ старается, по возможности, не отступать отъ дѣйствительности. Но лишь только онъ переходитъ въ область церковно-историческихъ сужденій, оцѣнокъ и прогнозовъ будущаго, передъ нами, вмѣсто добросовѣстнаго репортера, встаетъ **ослѣпленный слуга Рима**, тождественный д'Эрбиньи и многому множеству прежнихъ и нынѣшнихъ пропагандистовъ католицизма, лишенныхъ не только духовной чуткости, элементарнаго вниканія въ существо вопросовъ, въ смыслъ совершающихся событій, но лишенныхъ даже простого человѣческаго такта.

Монсеньоръ д'Эрбиньи, побывавшій въ Москвѣ 12 лѣтъ назадъ, не пожелалъ увидѣть правды, замѣнивъ ее клеветническими измышленіями.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Новый свидѣтель, познакомившійся съ Россіей сегодняшняго дня, далъ только частичное отображеніе правды, подмѣнивъ все остальное самымъ грубымъ сочинительствомъ, намѣренно искажающимъ образъ Русской Церкви.

Оба „выполняли заказъ". Оба пожертвовали истиной ради угожденія Риму.

Римъ хочетъ завладѣть русскими душами. Напечатаніе статей Леруа въ католической газетѣ, какъ мы уже указывали, – призывъ къ добровольной мобилизаціи служителей папскаго престола на предметъ будущей церковной интервенціи въ Россіи. Выброшенъ лозунгъ, на подобіе лозунговъ совѣтскихъ: „лицомъ къ Россіи".

Въ нашу эпоху величайшихъ потрясеній мірового христіанства одинаково **страшное** впечатлѣніе производятъ и захватническая алчность папскаго имперіализма и его тактика дипломатическаго обмана.

Намѣренное извращеніе фактовъ, сознательное отступленіе отъ истины, заранѣе предрѣшенныя оцѣнки всего, что связано съ иной идеологіей, съ иными вѣрованіями и устремленіями — привычное оружіе и неизбѣжный методъ всѣхъ диктатуръ, въ которыхъ партійная безчеловѣчность подавляетъ свободную христіанскую совѣсть, не терпитъ свидѣтельства правды.

Папскій Римъ, осуждая деспотію Гитлера, въ существѣ своемъ является тоже своего рода деспотіей только въ иномъ планѣ — **тоталитарной духовной имперіей** въ міровомъ масштабѣ, своеобразнымъ интернаціоналомъ великаго инквизитора.

Римъ, стремясь къ экспансіи „во имя Христово“, попираетъ заповѣди Христовы, величайшія христіанскія цѣнности—любовь и истину.

Двадцать лѣтъ изощренныхъ истязаній не только тѣла, но и духа, неослабѣвающее пламя совѣтской геенны... И духъ однако не только не уступаетъ, но растетъ и преображается, свѣтитъ въ кромѣшной тьмѣ и „тьма его не объятъ“.

Словами Апостола должно сказать о Русской Церкви—„огнемъ очищенное золото“. На поверхности русской жизни еще продолжается небывалая въ исторіи оргія злодѣйства, но глубину измученныхъ душъ, чѣмъ дальше, тѣмъ шире разливаясь, уже омываетъ источникъ „воды живой“. Сила вѣры, всецѣлостная отданность Христу, радость крестнаго служенія и безстрашіе мукъ и смерти не уступаютъ первымъ вѣкамъ христіанства.

Римъ это видитъ и знаетъ.

Казалось бы, придти и припасть изсохшими устами и пить эту „воду живую“, дабы „не возжаждать во вѣкъ“.

Для всякаго христіанина несомнѣнно присутствіе Христа тамъ, гдѣ духъ любви и вѣры благодатью отражаетъ натискъ злобы, гдѣ истина подвигомъ своимъ постепенно вытѣсняетъ и побѣждаетъ ложь.

Русская Церковь очевидно служитъ только одному Христу.

Римъ хочетъ, чтобы Она служила папскому престолу.

До тѣхъ поръ, пока не захвачены и не при-

соединены къ интернаціональной имперіи „эти земли съ ихъ 160.000.000 жителей“ — ничто не имѣетъ цѣны съ точки зрѣнія Рима.

Съ глубокой печалью приходится сказать: да, Римъ не хочетъ знать истины **безусловной.** Подвигъ святъ и вѣра спасительна и любовь дѣйственна, утверждаетъ онъ, „если, падши, поклонишься мнѣ“.

Аббатъ д'Эрбиньи двѣнадцать лѣтъ назадъ ѣздилъ въ Москву искать тѣхъ, которыя **поклонятся**, хотя бы при воздѣйствіи совѣтовъ. Надѣялся на присоединеніе обновленцевъ. И вотъ въ этой надеждѣ уже дарилъ имъ свои симпатіи, реабилитировалъ ихъ предательство, обѣлялъ преступленія, и обратно: злостно чернилъ весь „тихоновскій“ епископатъ, гадко издѣвался надъ митрополитомъ Петромъ, оклеветалъ память патріарха Тихона, признавъ его **низложеннымъ**. Независимая Русская Церковь, по мнѣнію д'Эрбиньи, **должна была погибнуть.** Его сотрудникъ, Наживинъ, увѣрялъ, что въ Россіи православная Церковь уже **„гибнетъ** въ невѣроятной смутѣ и грязи вслѣдъ за самодержавіемъ“.

Леруа, увидѣлъ воочію, вмѣсто „грязи“, — сіяющій подвигъ вѣры, вмѣсто гибели, — кипучую творческую жизнь „сверхъестественное мужество“, пастырей „горящихъ непобѣдимой ревностью божественной истины“.

Но онъ не осмѣлился сказать правды до конца, не рѣшился засвидѣтельствовать передъ лицомъ Рима, что **вся Русская Церковь жива и исповѣднически дѣйственна въ духѣ и истинѣ.** Леруа умышленно нарисовалъ картину, съ кото-

рой не помирится здравый смыслъ каждаго вдумчиваго и совѣстливаго христіанина. Въ его изображеніи эти преданные Христу пастыри не имѣютъ какъ будто никаго церковнаго руководства, никѣмъ не объединены, никѣмъ не связаны между собою [1]). Леруа намѣренно молчитъ о русскомъ епископатѣ, о церковномъ управленіи. Ихъ какъ будто не существуетъ совсѣмъ, или они не заслуживаютъ вниманія. Онъ даже не упоминаетъ о томъ, какъ рукополагаются священники, говоря, что новыхъ пастырей „обучаютъ прежніе", точно дѣло идетъ объ обученіи ремеслу. Между тѣмъ, если онъ былъ въ Россіи, онъ долженъ былъ бы знать, что всякаго священника не только поставляетъ, но и подготовляетъ къ служенію самъ епископъ, при которомъ вновь рукополагаемый долженъ прожить извѣстный срокъ. Не могъ не знать католическій наблюдатель церковной жизни въ Россіи и о томъ, что высшая іерархія живетъ въ

[1]) Въ № 3 недавно возобновленной изданіемъ газеты „Безбожникъ" помѣщена большая статья бывшаго „ленинградскаго митрополита" (т. е. лже-митрополита обновленца) Николая Платонова, открыто перешедшаго въ лагерь враговъ Христовыхъ. Въ этой статьѣ, намѣренно разжигающей злобу и подозрительность вѣдомства Ежова противъ Церкви, Платоновъ усиленно подчеркиваетъ **централизованность** „Тихоновской Церкви", возглавляемой Митрополитомъ Сергіемъ, и говоритъ о „тысячахъ монаховъ и монахинь", посылаемыхъ на проповѣдь среди населенія. Безъ епископа невозможна ни централизація, ни организованность Церкви.

Въ журн. „Антирелигіозникъ" напечатана инструкція пропагандистамъ безбожія и въ ней въ цифрахъ указано, что Церковь, возглавляемая Московской Патріархіей, включала въ себѣ 80% всѣхъ русскихъ приходовъ. Уже къ 1938 году инструкція при этомъ замѣчаетъ: „Церкви постепенно убываютъ у обновленцевъ и переходятъ къ староцерковникамъ.

не менѣе трудныхъ условіяхъ, чѣмъ рядовое духовенство, что служеніе ея еще отвѣтственнѣе, а, слѣдовательно, и тяжелѣе и опаснѣе. И если, по его словамъ, „въ Россіи становится священникомъ лишь тотъ, кто обладаетъ сверхъестественнымъ мужествомъ, горитъ непобѣдимой ревностью божественной истины и вѣры въ божественное всемогущество“, то каковы должны быть руководители у такихъ пастырей?

Неужели Леруа не слышалъ и не знаетъ, какое количество русскихъ архипастырей положило свою жизнь за Христа? Ему неизвѣстно, что почти весь наличный русскій епископатъ прошелъ черезъ тюрьмы, черезъ истязанія совѣтскихъ слѣдственныхъ допросовъ и живетъ подъ такой же угрозою разстрѣла, какъ и каждый приходской священникъ?

Римская Церковь, которой въ наше время самой приходится въ нѣкоторыхъ странахъ проходить черезъ тяжелыя испытанія, мы знаемъ, прекрасно освѣдомлена и о церковной жизни въ Россіи не только католиковъ, но и православныхъ. Она знаетъ и подвигъ Патріарха Тихона, и его страдальческій путь и то безграничное почитаніе, которымъ окружалъ его весь вѣрующій русскій народъ, несмотря на враждебную пропаганду **отпавшихъ отъ Церкви** живоцерковниковъ и обновленцевъ. Риму извѣстно, что преемникъ Святѣйшаго Тихона, Митрополитъ Петръ, больше десяти лѣтъ провелъ въ ссылкѣ и узникомъ закончилъ свой земной путь. Извѣстно и то, черезъ какія тяжкія испытанія проходилъ и проходитъ нынѣшній возглавитель Русской Церкви, Блаженнѣйшій Сергій, который извѣдалъ и тюрьму, и угрозы

власти и всю неизмѣримую тяжесть первосвятительскаго креста въ условіяхъ, по-истинѣ превосходящихъ человѣческія силы.

Римъ освѣдомленъ и о каноническомъ строѣ Русской Церкви: о созывѣ Всероссійскаго Помѣстнаго Собора 1917 года, о возстановленіи въ Россіи патріаршества [1]), о томъ преемствѣ, которое установилось послѣ кончины Святѣйшаго Тихона, на основаніи съ одной стороны экстренныхъ полномочій, данныхъ ему Помѣстнымъ Соборомъ, съ другой—на основаніи Патріаршаго завѣщанія.

Но упоминать о русской іерархіи и о церковномъ управленіи [2]) значитъ признавать наличіе единой канонически организованной Церкви. Этой правды о вѣрующей Россіи и не хочетъ оглашать католическая власть изъ тактическихъ соображеній: Церковь, перенесшая невиданныя испытанія—яростное гоненіе власти извнѣ, смуты и расколы соблазнившихся и отступившихъ внутри,—и послѣ всего этого окрѣпшая, духовно утвержденная въ истинѣ и подвигѣ, залѣчившая всѣ свои раны, — вдругъ эта Церковь начнетъ привлекать къ себѣ чьи-то сердца и на христіанскомъ западѣ?

---

[1]) Патріаршество, т. е. единоличное возглавленіе Церкви, опирающееся на соборное начало, отнюдь не было „новшествомъ XVI в., продержавшимся сравнительно короткій срокъ“: Русскіе митрополиты древней Руси фактически имѣли ту же власть, что и патріархи.

[2]) Въ англійской газетѣ „Times“ и въ европейскомъ изданіи „New-York-Herald“ (отъ 25 апрѣля 1938 г.), въ описаніяхъ пасхальной службы въ Москвѣ, подчеркивается подвигъ Блажен. М. Сергія, котораго называютъ „**фактическимъ патріархомъ единственно подлинной Русской Церкви**“. Франц. газета „Matin“ говоритъ о немъ какъ о „**популярнѣйшемъ** въ Россіи іерархѣ“.

Нѣтъ, этого говорить нельзя. Невозможно скрыть подвижническое служеніе духовенства — слишкомъ много очевидцевъ свидѣтельствуютъ о немъ,—но надо его представить въ видѣ героическихъ усилій какихъ-то отдѣльныхъ людей, проповѣдующихъ христіанство за свой страхъ и рискъ и по своей иниціативѣ на фонѣ полнѣйшаго церковнаго распада.

Необходимо увѣрить неосвѣдомленныхъ читателей—тысячи французскихъ священниковъ и мірянъ—въ томъ, что государственный гнетъ надъ Церковью, начавшійся съ Петра, насильственно упразднившій Ея каноническое устройство, былъ будто бы **нормальнымъ** явленіемъ всей русской церковной исторіи. Надо внушить всѣмъ, что и по ученію православной вѣры глава Церкви и ея полный и законный хозяинъ — царь, и безъ него Церковь разрушается. Возстановленіе патріаршества слѣдуетъ превратить въ чью-то жалкую попытку во время революціоннаго взрыва откуда-то подсунуть, взамѣнъ главы-царя, безпомощнаго и неавторитетнаго „митрополита Тихона“, котораго фактически никто и не принялъ какъ патріарха; ибо почти никто будто бы ему и не подчинялся. А чтобы подтвердить такую ложь, Леруа разсказываетъ фантастическую исторію о своей встрѣчѣ съ какимъ-то священникомъ, живущимъ въ темномъ неотапливаемомъ **(зимой)** чуланѣ, гдѣ окно забито досками, котораго Леруа спрашиваетъ, **былъ ли Патріархъ Тихонъ предателемъ** (un traître). И будто бы долго священникъ раздумываетъ, прежде чѣмъ дать уклончивый отвѣтъ на этотъ вопросъ. И съ изум-

леніемъ мы узнамъ, что этотъ священникъ, **состоящій на приходѣ**, едва прикрытъ лохмотьями и на одной ногѣ у него рваная сандалія, а на другой остатокъ стараго сапога (это при наличіи заботливой любви населенія къ духовенству!). Но этого мало; оказывается, что священникъ былъ членомъ Собора и почему-то **изъ Кіева въ Москву на Соборъ въ 1917 году шелъ пѣшкомъ**(!) и изъ-за этого опоздалъ на Соборъ и попалъ только къ моменту интронизаціи Патріарха, совершавшейся въ „наполовину разрушенномъ“ (sic) Успенскомъ соборѣ. Еще удивительнѣе, что остался этотъ священникъ въ Москвѣ по личной просьбѣ Патріарха Тихона, слѣдовательно, его близко зналъ, и вотъ въ результатѣ тринадцати лѣтъ, проведенныхъ въ Москвѣ, гдѣ Святѣйшаго еще при жизни народъ почиталъ какъ преподобнаго, ходилъ за нимъ толпами, носилъ въ буквальномъ смыслѣ на рукахъ изъ Донскаго монастыря въ Новодѣвичій черезъ всю Москву, а, послѣ его кончины, сутками стоялъ въ очереди, безъ сна и пищи, чтобы поклониться его гробу—въ результатѣ, такой близкій патріарху священникъ не только не испытываетъ изумленнаго негодованія при вопросѣ о его **предательствѣ**, но долго раздумываетъ прежде чѣмъ сказать, что „одинъ лишь Богъ будетъ судить Тихона“...

Цѣль ясна: русскую церковную іерархію необходимо въ глазахъ католическихъ читателей—**опорочить**. Въ настоящемъ мы узнаемъ о ней отъ Леруа только то, что какой-то архіепископъ Бережной(?), вернувшись съ Соловковъ, оказался **директоромъ совѣтской фабрики** (?!), будто бы

скрывъ отъ всевидящаго ока ГПУ свой санъ и свою судимость, а о прошломъ сообщается, что русскіе архіереи учились не въ высшихъ духовныхъ академіяхъ, а въ нѣмецкихъ университетахъ(?), и всѣ были **невѣрующими.**

Сближеніе православнаго духовенства на каторгѣ со служителями другихъ вѣроисповѣданій, о которомъ мы упоминали выше, толкуется какъ нѣкое пробужденіе русскихъ священниковъ отъ многовѣкового обмана: на Соловкахъ и въ тюрьмахъ, бесѣдуя съ католиками, они **вдругъ** получили „откровеніе“ о своей „схизмѣ“ и о томъ что Православіе всецѣло виновато въ отпаденіи Рима отъ Церкви Вселенской... На каторгѣ находились и находятся не одни только священники, но и не малое число епископовъ изъ „нѣмецкихъ университетовъ;"покаялись ли и они въ своемъ грѣховномъ отступничествѣ отъ папы?—Леруа не упоминаетъ.

Мы хорошо знаемъ, что вся Русская Православная Церковь ждетъ возможности созыва Помѣстнаго Собора, которому надлежитъ и избрать Патріарха и разрѣшить рядъ существенныхъ вопросовъ, но почему изъ этого выведено заключеніе, что русское духовенство мучается и стенаетъ по отсутствію всякой церковной власти—это остается на совѣсти автора очерковъ и редакціи газеты „La Croix“.

Авторъ не сомнѣвается, что всѣ эти необыкновенные по своимъ духовнымъ и нравственнымъ качествамъ русскіе священники тотчасъ побѣгутъ въ Римъ, какъ только узнаютъ туда дорогу и будутъ безмѣрно счастливы, что въ награду за всѣ ихъ под-

виги любви и вѣры, за ихъ мученическое **служеніе Христу,** имъ, наконецъ, будетъ разрѣшено **служить папѣ.**

Итакъ, въ итогѣ всѣхъ страданій Русской Церкви, Ея неизмѣримаго духовнаго подвига и внутренняго преображенія, должно произойти — подчиненіе Риму!

Совершались чудеса обновленія иконъ и обновленія душъ, лились потоки мученической крови... Ни разу не поддавшись соблазну политической борьбы противъ безбожной власти, **сопротивляясь злу исключительно Христовымъ оружіемъ дѣятельной любви и непобѣдимой вѣры**, Русская Церковь передъ всѣмъ міромъ являетъ чудо своей неистребимой ничѣмъ духовной мощи: Она не только хранитъ свою вѣрную паству, но, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, врачуетъ и спасаетъ души, израненныя грѣхомъ вольнаго и невольнаго отступничества, приводитъ къ истиному свѣту отравленную марксистской пропагандой русскую молодежь и выполняетъ свою великую миссію въ такихъ условіяхъ, въ такой страшной обстановкѣ, какихъ не знала человѣческая исторія.

Можно безъ преувеличенія сказать, что всѣ сокровища духовнаго опыта не только русскихъ подвижниковъ и святыхъ, но всей Православной Вселенской Церкви выявлены въ дѣйственномъ ихъ раскрытіи подвигомъ Православія на окровавленной и оскверненной Русской Землѣ.

И, оказывается, все это совершалось и совершается только для одной цѣли: **„puisque seule une Russie croyante permetterait le progrès du catholicisme".**

Но католики, дѣлая удареніе на Россіи, на ка-

чествахъ **русскихъ** священниковъ, объ одномъ и самомъ главномъ забываютъ: качества эти опредѣляются отнюдь не національнымъ характеромъ, не свойствами именно русской души, **а благодатной силой истинной вѣры. Православіе спасаетъ Россію, а не Россія спасаетъ Православіе.** Христосъ даровалъ Свои обѣтованія не народамъ и не расамъ, а истиннымъ Своимъ послѣдователямъ: „Созижду Церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ю". Истинное ученіе Христово тогда дѣйственно и непобѣдимо среди зла и грѣха, когда оно воспринимается до конца, какъ основа жизни и какъ главная ея цѣль. Если же вѣра хранится только какъ историческая традиція, какъ приватное дополненіе къ чему-то болѣе „существенному" въ глазахъ людей, тогда замираетъ, бездѣйствуетъ ея преображающая творческая сила.

Православная іерархія и православное рядовое духовенство въ Россіи жерственно поняли и приняли приматъ Церкви надъ отечествомъ—превосходство вѣчнаго надъ временнымъ, хотя и кровно дорогимъ. Во главу дѣла они поставили **Царствіе Божіе,** вѣруя, что **остальное** приложится милостью Божественнаго Промысла. И вотъ, искусственно организованный, при помощи безбожной власти и части впавшаго въ соблазнъ клира, временный расколъ Церковь въ Россіи преодолѣла. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда иныя цѣнности, какъ государство и нація, ставятся на первый планъ, когда временное превалируетъ надъ вѣчнымъ, то и безъ всякаго нажима посторонней силы, происходитъ распадъ, исцѣляемый только всецѣлымъ по-

каяннымъ обращеніемъ къ Истинѣ, какъ къ верховному спасающему началу.

Мы являемся свидѣтелями такого распада и въ русской эмиграціи, болѣющей расколомъ и всѣми неизбѣжными слѣдствіями этого страшнаго недуга.

Эмигранты, правда, не подвержены гоненіямъ за вѣру, но они—изгнанники, живущіе въ нищитѣ, а, слѣдовательно, познавшіе всю непрочность земного благополучія (хотя и въ гораздо меньшей степени), какъ и ихъ братья въ Россіи. И они — **русскіе**, слѣдовательно, съ католической точки зрѣнія, они должны были бы подняться въ религіозномъ отношеніи на очень значительную высоту. Но они этой высоты не достигли по той причинѣ, что преобладающее ихъ большинство, поставивъ спасеніе Россіи, **какъ государства**, главной своей цѣлью, на православную вѣру смотритъ, какъ на средство для освобожденія государства. Въ силу своего заблужденія, они отъ своей Церкви отпали, не пожелали соучаствовать въ Ея подвигѣ, сочли его ложнымъ и не отвѣчающимъ **требованіямъ момента,** какъ будто подвигъ христіанскій не всегда долженъ быть одинаковъ и заповѣди Христовы не абсолютны и не всегда одинаково обязательны и примѣнимы.

Нѣчто подобное произошло и у другихъ народовъ православнаго исповѣданія.

Чувство **страха**, вызванное войной и революціями, главнымъ образомъ русскимъ коммунизмомъ, вызвало въ свою очередь устремленіе народовъ не къ единству, а къ оборонительному сепаратизму. Этотъ инстинктъ оборонительнаго

сепаратизма, какъ тяжкая духовная болѣзнь, охватилъ почти весь міръ. Слѣдствіемъ его явились не только ростъ военныхъ вооруженій, обостроенное чувство подозрительной вражды народовъ другъ къ другу, но и національно-культурная замкнутость большинства государствъ. Міръ сталъ похожъ на средневѣковые замки во время войны: каждый окопанъ рвомъ, наполненнымъ водой, мосты подняты, бойницы насторожились... **Сознаніе общечеловѣчности гаснетъ вмѣстѣ съ чувствомъ человѣчности.** Уваженіе и интересъ къ духовнымъ цѣнностямъ всего культурно-христіанскаго міра подмѣняются неумѣреннымъ культомъ узко національныхъ особенностей и цѣнностей, иногда не только сомнительныхъ, но часто даже отрицательныхъ, или просто воображаемыхъ.

Православная Вселенская Церковь не является государственно организованной духовной имперіей, насильственно подчиненной единому центру; она представляетъ собою свободный во Христѣ союзъ отдѣльныхъ Помѣстныхъ Церквей: единыя по исповѣданію эти Помѣстныя Церкви, въ смыслѣ духовнаго уровня своихъ членовъ, въ разное время и по разнымъ причинамъ стоятъ на различной высотѣ; въ періоды испытаній люди, конечно, могутъ подпадать соблазнамъ.

Въ нашу трудную во всѣхъ отношеніяхъ эпоху нѣкоторые православные народы, подъ давленіемъ соблазновъ страха и національнаго сепаратизма, подпали тому же искушенію, которому поддалась русская эмиграція, а именно: свои государственно-національные интересы они выдвинули на первый планъ, отъ этого ослабѣло ихъ вселен-

ское сознаніе и началось движеніе въ сторону укрѣпленія **мѣстнаго** православія за счетъ идеи общаго церковнаго единства.

Принципъ государственности, подавляющій собою въ наши дни все остальное, въ этомъ смыслѣ сыгралъ роль принуждающаго фактора, которому люди не сумѣли, по грѣховной слабости своей, оказать должнаго противодѣйствія. Такимъ путемъ возникъ въ нашихъ глазахъ въ православной Церкви рядъ антиканоническихъ автокефалій. Произошло дробленіе и дѣленіе.

Но этотъ печальный фактъ отнюдь не свидѣтельствуетъ о слабости или, тѣмъ болѣе, о гибели Православія, а только о его свободѣ, плохо использованной грѣховной человѣческой волей.

Свобода есть изначальная основа Церкви, Ея членовъ, ибо на ней зиждется все христіанство. И люди идутъ ко Христу, идутъ къ спасенію черезъ ошибки, грѣхи, случайныя паденія, преодолѣвая ихъ свободнымъ же покаяніемъ и обращеніемъ на путь истины.

Содержаніе посланій Св. Апостола Павла къ разнымъ Церквамъ достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что и первые христіане не были чужды преткновеній, что и они заблуждались—падали и вставали. Въ этой борьбѣ съ грѣхомъ и состоитъ жизнь членовъ Церкви. Церковь свята и безпорочна содержимой въ ней истиной и благодатью, но люди, конечно, слабы и подвержены колебаніямъ.

Расколы и самочинныя автокефаліи отнюдь не доказываютъ слабости Православія; не доказываютъ ея ошибки и заблужденія отдѣльныхъ іерар-

ховъ, потому что Православная Вселенская Церковь, имѣя своимъ Главой Единаго Христа, не знаетъ непогрѣшимыхъ іерарховъ. Не ищетъ Православіе и той внутренней организаціи, которая обезпечивала бы ему видимую, чисто внѣшнюю монолитность „благоустроеннаго учрежденія". Истинное христіанство, основываясь на духѣ евангельскомъ, твердо знаетъ, что человѣка не можетъ спасти никакая **система**, никакая строгая согласованность государственно организованнаго церковнаго строя. Спасаетъ его только добровольный подвигъ вѣры и любви, при помощи божественной благодати, во всей полнотѣ содержащейся въ Церкви.

Система и строй управленія церковнаго—качества внѣшняго порядка и сами по себѣ они не могутъ имѣть значенія, если не „животворитъ духъ". „Система и строй" — лишь земная **плоть** земной Церкви, которая, по слову Писанія, „не пользуетъ ни мало," когда духъ коснѣетъ и не имѣетъ жизни въ себѣ. По непостижимому велѣнію Божественнаго Промысла, въ разные моменты исторіи разные народы подвергаются „огненному испытанію" и призываются, очистившись, являть людямъ силу вѣры и приносить ея плоды **всѣмъ чадамъ истинной Вселенской Церкви**. Въ этомъ смыслѣ и подвигъ Русской Церкви есть подвигъ и прославленіе **всей Церкви**, благослсвеніе **миссіи Православія** во всемъ остальномъ мірѣ, который призывается къ полнотѣ даровъ истины и благодати, содержащихся въ Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

Русскіе священники, которыми восхищается ка-

толическій наблюдатель, не себѣ самимъ обязаны высотой своего служенія, а восполняющей ихъ человѣческую немощь Божественной благодати, почерпаемой черезъ вѣру и подвигъ отъ Святого Духа, вѣчно почивающаго въ Церкви Христовой. И, если римское католичество ищетъ духовнаго движенія впередъ (le progrès du catholicisme), то ему нужно думать не о расширеніи своихъ владѣній пріобрѣтеніемъ новой страны, а о томъ, чтобы пріобщиться къ тому же источнику благодати, изъ котораго русское духовенство только и почерпаетъ свою „непобѣдимую ревность“ и „сверхъестественное мужество“. Иначе говоря, слѣдуетъ искать не **Кесарева, а Божія**, не имперіи, но внутренняго Царства Христова. Грустно и страшно читать, что католическій Римъ собирается **спасать** душу русскаго народа **послѣ того, какъ народъ этотъ освободится отъ своего страшнаго и мучительнаго нынѣшняго порабощенія**.

Почему же Римъ не попытается **теперь**, именно въ самое тягостное время, осуществить свою миссію? Вѣдь убѣждаетъ людей въ истинѣ той или иной идеи больше всего жертвенный подвигъ...

Пытались съ Православіемъ бороться баптисты (особенно въ ту пору, когда совѣтская власть, въ надеждѣ ослабленія Православной Церкви, имъ всячески покровительствовала), — но успѣха не имѣли, во всякомъ случаѣ, успѣха длительнаго и серьезнаго; пропаганда ихъ значительно ослабѣла при начавшемся на нихъ нажимѣ власти.

Если римскіе миссіонеры такъ горячо вѣрятъ

въ непоколебимую истинность папизма, пусть идутъ умирать за него съ такою же радостной готовностью, съ какою православные пастыри умираютъ за Единаго и Вѣчнаго Главу своей Церкви, Господа Іисуса Христа!

Или же Римъ рѣшилъ иначе: пусть русскіе православные люди проливаютъ свою кровь для торжества христіанства, а мы (Римъ) на этой крови, уже безъ риска жизнью, постараемся утвердить свое господство?

* * *

Незадолго до напечатанія въ газетѣ „La Croix“ изложенныхъ нами очерковъ, былъ сдѣланъ Римомъ въ сторону Русской Церкви нѣкій оффиціальный шагъ, который многое разъясняетъ въ намѣреніяхъ руководящихъ католическихъ верховъ.

Въ газетѣ „Temps“ (отъ 2 марта 1938 г.) мы читаемъ сообщеніе о томъ, что „по иниціативѣ монсиньера Бучиса, католическаго епископа восточнаго обряда въ Литвѣ и бывшаго ректора Ковенскаго университета, въ концѣ января „состоя„лось совѣщаніе между нимъ и Митрополитомъ „Елевѳеріемъ Литовскимъ, представителемъ въ „Европѣ Московскаго Митрополита Сергія, Мѣсто„блюстителя Патріаршаго престола. Намъ удалось „получить изъ Ковенской Архіепископіи протоколъ „этой исторической встрѣчи, первой послѣ цѣлаго „столѣтія, между представителями двухъ христіан„скихъ Церквей, которая, несомнѣнно, окажетъ „свое опредѣляющее вліяніе въ будущемъ на ихъ „взаимныя отношенія“.

Монсиньоръ Бучисъ, какъ разсказываетъ корреспондентъ „Temps“, прежде всего подчеркнулъ тотъ **интересъ и попеченіе**, которые святой престолъ многократно проявлялъ въ отношеніи Русской Церкви „въ цѣляхъ сближенія съ православнымъ духовенствомъ Европы и Америки“.

И дальше перечисляются эти заботы. Предложеніе, нынѣ покойному, Митрополиту Антонію пенсіи отъ Ватикана впредь до возвращенія его въ Россію. Эта пенсія „достойная его ранга“, была предложена Митрополиту еще въ 1920 году въ Константинополѣ черезъ монсиньора Дольчи, но онъ отказался отъ нея, заявивъ, что онъ желаетъ раздѣлить нищету всей русской эмиграціи. Дальше сообщается о томъ, никому до сихъ поръ неизвѣстномъ фактѣ, что Римъ, при помощи американскихъ милліардеровъ, хотѣлъ будто бы спасти отъ конфискаціи церковныя имущества въ Россіи и съ этой цѣлью монсиньоръ д'Эрбиньи велъ переговоры съ Чичериным. Отказъ Чичерина воспрепятствовалъ осуществленію этого плана.

Были попытки со стороны монсиньора Бучиса и прежде войти въ контактъ съ разными русскими епископами, но онѣ не имѣли успѣха. По словамъ Митрополита Елевѳерія, эти неудачи миссіи Монсиньора Бучиса объясняются тѣмъ, что для Русской Церкви вопросъ единства догматовъ имѣетъ основное значеніе и, внѣ этого догматическаго единства, никакое реальное единеніе Церквей никогда не можетъ быть осуществимо.

„Въ концѣ совѣщанія, пишетъ „Temps“—„монсиньоръ Бучисъ, видя неудачу своихъ переговоровъ, предложилъ, по его собственному выраже-

„нію, **лаическое** сотрудничество между Ватика-
„номъ и Московской Патріархіей въ цѣляхъ обо-
„юдной борьбы противъ безбожія, угрожающаго
„не только Россіи, но и всему міру. По этому по-
„воду Митрополитъ высказалъ мнѣніе, что безбо-
„жіе не такъ уже опасно для Россіи, какъ это ду-
„маютъ, потому что въ русскихъ народныхъ мас-
„сахъ происходитъ въ данное время сильное рели-
„гіозное движеніе. По мнѣнію представителя Мо-
„сковской Патріархіи, „атеистовъ ничуть не меньше
„и въ католическихъ странахъ, а что касается сов-
„мѣстныхъ дѣйствій двухъ христіанскихъ Церквей,
„то, если онѣ не могутъ соединиться въ вопросахъ
„догматическихъ, то имъ не столковаться и въ дѣ-
„лѣ общей борьбы съ невѣріемъ". „На вопросъ
„монсиньора Бучиса: на что же надѣется въ та-
„комъ случаѣ предоставленная самой себѣ Право-
„славная Церковь — Митрополитъ Елевѳерій от-
„вѣтилъ, что, независимо отъ человѣческихъ усилій,
„Самъ Іисусъ Христосъ отстаиваетъ Свою Церковь
„и сумѣетъ Ее защитить". Изъ оффиціальнаго про-
„токола ясно, что „бесѣда, длившаяся два часа, не
„привела ни къ какимъ результатамъ," — замѣча-
„етъ литовскій корреспондентъ „Temps".

Нѣтъ надобности говорить о продуманной со-
гласованности всѣхъ дѣйствій Рима. Даже оче-
видныя противорѣчія въ данномъ случаѣ имѣютъ
свой смыслъ, но, тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе, про-
изводимое хитрой дипломатической игрой католи-
ческихъ политиковъ, получается самое тягостное,
моментами морально отталкивающее.

Такъ Леруа во всеуслышаніе заявляетъ,
что Русская Церковь, никѣмъ не управля-

ется, сбрасываетъ со счета весь ея многочисленный епископатъ (вѣроятно, чтобы горячѣе воодушевить на Ея „завоеваніе“ вѣрныхъ слугъ папизма), а монсиньоръ Бучисъ хорошо знаетъ, **кто** стоитъ во главѣ этой Церкви. Въ свое время представитель Ватикана обращался къ Митрополиту Евлогію, но теперь онъ адресуется уже не въ Парижъ—центръ русской эмиграціи,—а, не ошибаясь, въ маленькой удаленной Литвѣ находитъ законнаго представителя Московской Патріархіи.

На что же нужны эти переговоры съ русскими іерархами?

Покойнаго Митрополита Антонія хотѣли **обязать и связать** денежнымъ вспомоществованіемъ: давъ ему мзду, „достойную его ранга“, вынудить его къ дѣйствіямъ совершенно уже **недостойнымъ**. Онъ на это не пошелъ, предпочелъ бѣженскую нищету. Дальше (если правдоподобенъ этотъ разсказъ о предполагавшемся выкупѣ у большевиковъ русскаго церковнаго имущества) хотѣли заставить всю Русскую Церковь выдать нѣкій **векселъ** Ватикану... Со стороны жестъ какъ будто очень красивый: папа спасаетъ русскіе храмы, монастыри, богослужебные предметы; беретъ подъ свою защиту всѣ святыни Русской земли... Но какою цѣною?

Насъ обвинятъ въ неблагодарномъ недовѣріи къ безкорыстію Рима, въ нашемъ „скиѳскомъ невѣжествѣ“, которое насъ отталкиваетъ отъ сближенія съ христіанскимъ Западомъ. Но это не такъ. Православно сознательные люди горячо дорожатъ идеей вселенскаго единства, стремятся къ нему, но **единство и компромиссъ не одно и тоже.**

Ибо какъ назвать дѣйствія того же монсиньора д'Эрбиньи, который сегодня будто бы ведетъ переговоры съ Чичеринымъ о выкупѣ русскаго церковнаго имущества, а завтра пытается установить дружескую связь съ „мудрымъ правительствомъ" совѣтовъ и съ предателемъ Православной Церкви, Введенскимъ?

Кому бы было вручено это церковное имущество въ случаѣ удавшагося соглашенія съ Чичеринымъ? Числилось бы оно за Римомъ, за обновленцами?

Все, исходящее отъ верховъ Римской Церкви, смущаетъ и отталкиваетъ, ибо все не ясно, зыбко, все построено на сложномъ разсчетѣ.

Какого **„лаическаго"** сотрудничества искалъ епископъ Бучисъ съ Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Литовскимъ будто бы въ цѣляхъ борьбы съ безбожіемъ? Какой „пактъ" желалъ онъ заключить съ представителемъ Московской Патріархіи?

Православная Церковь знаетъ только одно оружіе такой борьбы—евангельское—и по свидѣтельству католика же (Леруа) примѣняетъ его съ достаточнымъ успѣхомъ. Всякіе иные пріемы защиты христіанства не только не согласуются съ духомъ Христова ученія, но могутъ дать поводъ для обвиненія Русской Церкви въ политическихъ заговорахъ. Епископъ Бучисъ не могъ не учесть того, что, при малѣйшемъ подозрѣніи, въ **„лаической"** борьбѣ, жестокіе удары обрушатся именно на русскій епископатъ, тотъ самый епископатъ, который несмотря на все свое (по утвержденію Леруа) **вольномысліе** („des libres penseurs)", по-

черпнутое въ „нѣмецкихъ университетахъ“, твердо блюдетъ свою паству въ истинно православномъ вѣроученіи и не соглашается пользоваться попеченіемъ Рима—ни его денежными подачками, ни его заступничествомъ.

Православная Церковь съ благодарностью отнеслась въ свое время къ участію англичанъ, проявленному ими къ судьбѣ почившаго Патріарха Тихона, когда онъ былъ въ заключеніи. Съ благодарностью принимаютъ православные русскіе люди въ изгнаніи и всякое иное проявленіе искренней и безкорыстной христіанской любви, отъ кого бы оно не исходило; въ данномъ случаѣ велика ихъ признательность и отдѣльнымъ католикамъ, дѣйствующимъ по голосу своего сердца, а не по предписаніямъ Рима.

Риму же, въ отвѣтъ на его „заботы“, Православная Русская Церковь всегда скажетъ только то, что сказалъ епископу Бучису представитель Московской Патріархіи, Высокопреосвященный Митрополитъ Елевѳерій.

Послѣ чтенія статей Леруа, книги д'Эрбиньи, послѣ предложенія монсиньора Бучиса, хочется поставить руководящимъ кругамъ Рима и исполнителямъ римскихъ преначертаній откровенный вопросъ:

— Вы убѣждаете насъ въ своемъ сочувствіи нашей страждущей Церкви, вы твердите о братскомъ отношеніи къ православнымъ, объ искреннемъ желаніи съ нами сблизиться, чтобы взаимно понять и оцѣнить духовный опытъ и духовныя пріобрѣтенія Востока и Запада за долгій періодъ

ихъ раздѣльнаго существованія. Сближенію мы были всегда рады, съ готовностью хотѣли бы на него откликнуться, но сближенію **искреннему**, безъ предвзятыхъ намѣреній, безъ тайно раскидываемой западни.

Однако, такихъ чистыхъ и безкорыстныхъ шаговъ навстрѣчу намъ Вы никогда не дѣлали (кромѣ отдѣльныхъ представителей католичества, которые всегда пользовались большимъ уваженіемъ со стороны православныхъ). Вы дѣлали другое. Вы неустанно стремились и стремитесь доказывать (при этомъ всегда людямъ, мало знающимъ православное и католическое вѣроученія), что Восточная и Западная Церкви по существу ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, что вы не посягаете ни въ чемъ на нашу вѣру и на нашъ обрядъ (на обрядѣ дѣлается особое удареніе въ увѣренности, что все Православіе только къ нему и прилѣплено), что вы желаете лишь одного: во имя христіанскаго единенія, молиться съ нами „едиными устами и единымъ сердцемъ“, а для этого убѣждаете насъ признать и принять общаго главу Церкви, папу, предлагая намъ, ради „восточнаго стиля“, именовать его „вселенскимъ патріархомъ“. При этомъ вы усиленно нажимаете на патріотическія чувства русскихъ, на ихъ національныя особенности и привычки, говорите о нашей „великой страдающей родинѣ“, которая „погибаетъ отъ раздѣленій и въ частности отъ расколовъ церковныхъ”. Вы устраиваете храмы восточнаго обряда съ такимъ разсчетомъ, чтобы сохранить до мелочей весь „couleur locale“ именно **русскаго** обряда, чтобы мало вдумчивый человѣкъ даже и не разобрался

куда онъ попалъ... Вы даже прибѣгаете къ исторической лжи и стараетесь намъ доказать, что Русская Церковь была когда-то вѣрна Риму [1]) и только подъ насильственнымъ нажимомъ царей отъ него отпала и т. д.

Можно ли достигнуть сближенія такимъ скользкимъ путемъ?

Двадцать лѣтъ русская эмиграція живетъ въ разсѣяніи среди западнаго христіанскаго міра. Она успѣла съ нимъ освоиться, многое въ немъ оцѣнила.

Но католическій міръ неужели до сихъ поръ не понялъ, что православные люди съ развитымъ церковнымъ сознаніемъ очень ясный отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что ихъ раздѣляютъ съ Римомъ, не **второстепенныя** обрядовыя и каноническія особенности, а **существеннѣйшія различія догматическаго порядка**, въ силу которыхъ создались и два различныхъ религіозныхъ міро-

---

[1]) Въ католическомъ изданіи (на русскомъ языкѣ) „Бесѣды“ (изд. въ Парижѣ), которое ставитъ своей цѣлью съ одной стороны скрыть догматическія и вообще вѣроучительныя отступленія Рима отъ Православія, а съ другой исказить факты церковной исторіи, говорится о томъ, что Русская Церковь будто бы хотѣла соединиться съ Римской, ибо въ лицѣ Митрополита, своего главы, на Флорентійскомъ соборѣ приняла унію, но этому „святому дѣлу“ насильственно воспрепятствовалъ московскій князь... При этомъ умалчивается, что этотъ Митрополитъ (Исидоръ), присланный въ Россію греками, былъ прежде воспитанъ въ католичествѣ, которое и хотѣлъ навязать Русской Церкви, что оба его **русскихъ** спутника (одинъ изъ нихъ епископъ Авраамій) на соборѣ во Флоренціи унію принять отказались, что Исидора отвергла вся Русская Церковь.

ощущенія, два мало схожихъ пути христіанскаго спасенія и совершенствованія.

Не входя по существу въ размотрѣніе большой и сложной проблемы нашихъ внутреннихъ различій, нельзя не поставить здѣсь и второго вопроса:

На что нуженъ Риму чисто внѣшній церковный протекторатъ, котораго онъ такъ добивается надъ духовно далекимъ ему міромъ Православія, міромъ большой и отвѣтственной христіанской свободы, столь органически отличной отъ формальныхъ, юридически построенныхъ, дисциплинъ католицизма?

Съ точки зрѣнія **подлиннаго религіознаго единства въ духѣ** поползновенія Рима непонятны. Они понятны лишь въ плоскости имперіалистической политики папскаго государства.

Это государство именуетъ себя Церковью **вселенской.**

Какъ понимать въ данномъ случаѣ такое опредѣленіе? Если оно является чисто **пространственнымъ** указаніемъ, тождественнымъ по смыслу вселенской Римской имперіи во времена ея могущества, то для христіанъ такая вселенскость Рима неубѣдительна.

Если имѣется въ виду великое **прошлое** христіанскаго Рима съ каѳедрой Св. Ап. Петра въ немъ, то вѣдь прошлое не покрываетъ собою настоящаго.

Нѣтъ абсолютной неизмѣнности харизмы, ибо благодать даруется и отнимается, въ зависимости отъ духовныхъ качествъ тѣхъ, кому она дана.

Харизма избранничества въ вѣкахъ выдѣляла Израильскій народъ изъ всѣхъ племенъ и народовъ, но, когда іудеи въ большинствѣ своемъ отвергли Христа, то не услышали ли они отъ Него страшныхъ словъ отлученія: „се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ“?...

Римъ импонируетъ своей имперской организованностью, огромной территоріей своихъ владѣній. Да, онъ во-истину великая папская держава. Но **держава** и **Церковь** не совсѣмъ одно и тоже.

Церковь—установленіе божественное и не подлежитъ измѣреніямъ земного порядка. Объ этомъ самъ Господь засвидѣтельствовалъ Пилату, сказавъ: „Царство Мое не отъ міра сего“. И Сынъ Божій, хотя и обиталъ на землѣ во плоти, былъ **Царемъ не отъ міра сего**.

Чтобы утвердить **иноприродность** Своего Царства даже въ земныхъ условіяхъ, Онъ далъ завѣтъ Своимъ ученикамъ: „Князья властвуютъ и вельможи господствуютъ, но между вами да не будетъ такъ“. И дальше: „Кто хочетъ быть первымъ, да будетъ всѣмъ слугою“. И Петръ, первоверховный Апостолъ, который „нѣкогда обратившись“ долженъ былъ утвердить братію свою въ вѣрѣ, слѣдуя завѣту Господа, не властвовалъ надъ своею паствой, но распялся за нее.

Истинная Вселенская Церковь Царя-Христа не зависитъ ни отъ пространства, ни отъ земного могущества.

Сіонская горница уже включала въ себѣ всю Вселенскую Церковь, потому что Духъ Святой сошелъ на „малое стадо“ Христово и далъ ему бла-

годать обладанія вселенской истиной во всей полнотѣ.

„Шедше, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святого Духа“ — обращается Христосъ къ ученикамъ, поручая имъ проповѣдь вселенской истины.

Истина только одна. И какъ не можетъ быть двухъ истинъ, такъ не можетъ быть и двухъ церквей, ибо Одинъ Христосъ и едино Тѣло Его — Церковь вселенская, заключающая въ себѣ всю полноту богооткровенной истины.

Всѣ христіане, поскольку они исповѣдуютъ эту истину, постольку и пребываютъ въ Церкви. Можно сдѣлать въ данномъ случаѣ такое сравненіе изъ міра физическаго: солнечный свѣтъ освѣщаетъ предметы, и вотъ одни освѣщены всецѣло, другіе частично. **Элементы Православія,** т. е. древне-апостольской вѣры и ея духа, какъ лучи свѣта, есть во всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ — это и будутъ **освѣщенныя** или, вѣрнѣе, **просвѣщенныя** области религіознаго сознанія; а тамъ гдѣ свѣтъ не достигаетъ, въ тѣни,—ереси и заблужденія.

Не можетъ быть, **при единствѣ обряда**, соединенія церковнаго, коль скоро не достигнуто **единство вѣроученія.**

Между тѣмъ, католическій Римъ именно хочетъ обманно вовлечь въ свое подданство православныхъ людей при помощи единства обряда. Обрядъ только одежда Церкви. Важно существо вѣры, и въ этомъ существѣ между Православіемъ и Римомъ нѣтъ единства, пока Римъ не отречется отъ своихъ заблужденій.

Но Римъ и не ищетъ **истиннаго единства** въ духѣ. Онъ готовъ въ **существенномъ** уступить православнымъ при условіи подчиненія папѣ. Догматъ Троичности (**filioque** у католиковъ), Св. Таинство Евхаристіи (причащеніе у латинянъ мірянъ только подъ однимъ видомъ), почитаніе Богоматери („непорочное зачатіе“ у латинянъ) оказываются не столь важными для Рима. Подчиненіе папѣ—вотъ, что стоитъ на первомъ планѣ.

Но, если Римъ хочетъ захватить православный міръ, уступая ему въ области догматическаго ученія, то невольно возникаютъ два другіе вопроса:

Первый: гдѣ же истина догматическая, на Востокѣ или на Западѣ? Вѣдь двухъ истинъ, какъ мы уже указывали, быть не можетъ. И второй вопросъ: Если Римъ, почитая свое исповѣданіе истиннымъ, приноситъ его въ жертву расширенію своей внѣшней мощи, то какая же цѣна **такой вѣрѣ** и **такой Церкви**, какъ Римская? Но, на самомъ дѣлѣ, отнюдь не „единства духа въ союзѣ мира“ ищетъ Римъ. Будучи въ существѣ своемъ (по духу и строю) не столько Церковью, сколько церковнымъ **государствомъ**, Римъ ищетъ для себя, посягая на православные народы, не болѣе какъ **колоній церковныхъ**. Какъ для государства его основная территорія — метрополія, — есть нѣчто первостепенное и важнѣйшее, а колоніи въ нѣкоторомъ смыслѣ — „второй сортъ“, такъ и для Рима народы восточнаго обряда и восточной вѣры, признавшіе папу — тоже „второй сортъ“. Не даромъ католикамъ „восточнаго обряда“, при наличіи у нихъ своихъ храмовъ, предписывается толь-

ко въ этихъ храмахъ молиться и принимать таинства.

Самая идея такого хитроумнаго и компромиснаго лже-единства лишь обличаетъ не христіанскую, а лукаво земную политику Римской державы.

Проникнутый насквозь началомъ юридизма, подмѣнившій духъ Св. Ап. Петра духомъ языческихъ кесарей, почитающій правовыя нормы больше заповѣдей Христовыхъ, Римъ папскій не ищетъ того пути, который указываетъ намъ наша Св. Литургія: „возлюбимъ другъ друга, да единомыслiемъ исповѣмы Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздѣльную".

Римъ Православію предлагаетъ **пактъ**, обѣщая выгоды „единаго фронта". **Духу Православія чужды всякія сдѣлки въ дѣлахъ вѣры, отвратительна дипломатія.** Православный человѣкъ знаетъ, что подлинное единство искусственно достигнуто быть не можетъ. Пусть къ полнотѣ истиннаго единства указанъ заповѣдью Христовой: „Да любите другъ друга". Подлинная любовь Христова есть высокое совершенство, достигаемое только подвигомъ. Слѣдовательно, одинъ только подвигъ любви, вѣры и смиренія можетъ привести къ единенію разъединенныхъ христіанъ; тогда въ подвигѣ истина откроется благоговѣйно ищущимъ ее сердцамъ.

Нельзя забывать сказаннаго Господомъ: „Царство Мое не отъ міра сего". Всякое обмірщеніе Царства Христова-Церкви — ведетъ къ оскудѣнію духа.

Католическое ученіе тоже, конечно, зоветъ къ

„Царству не отъ міра“, но политика Рима идетъ самыми земными путями, далеко уводящими отъ Царства Христова.

Эта политика слишкомъ опирается и надѣется на силу организованнаго порядка, на пріемы дипломатическаго лукавства, на соображенія чисто человѣческаго разсчета.

Стремясь къ достиженію поставленной цѣли — покорить папскому престолу Русскую Церковь — озабоченные этимъ латинскіе епископы и священники дѣйствуютъ не какъ пастыри Церкви, а какъ представители папскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ ловкіе дипломаты, не считающіе грѣхомъ прибѣгать даже къ обману и лжи [1]).

---

[1]) Организація „**Centre d'études russes Istina**“ при Католической Церкви восточнаго обряда въ Парижѣ (39, rue François Gérard), во главѣ которой стоитъ о. Христофоръ Dumont, съ самаго начала утверждала, что она отнюдь не ставитъ своей задачей переводить въ Православіе отдѣльныхъ русскихъ, но что ея главною цѣлью является стремленіе къ широкому сближенію православныхъ и католиковъ, дабы въ будущемъ такое взаимное ознакомленіе и братское отношеніе представителей двухъ вѣроисповѣданій послужило великому дѣлу соединенія Церквей.

Нѣкоторые изъ православныхъ, сохраняя непоколебимую вѣрность своей Церкви, охотно отозвались на этотъ призывъ, не считая возможнымъ усумниться въ искренности словъ христіанскаго пастыря.

Прошло приблизительно года два. Совсѣмъ недавно о. Dumont былъ возведенъ въ санъ архимандрита восточнаго обряда (оставаясь при этомъ доминиканскимъ монахомъ) и по этому случаю на торжественномъ богослуженіи въ храмѣ доминиканскаго монастыря архіепископомъ парижскимъ, кардиналомъ Вердье, было произнесено слово, ясно опредѣляющее **дѣйствительныя задачи**, которыя возложены папскимъ престоломъ на организацію „Istina“

Послѣдній періодъ ситоріи Русской Церкви, къ сожалѣнію, не послужилъ вразумляющимъ урокомъ для католиковъ.

Русская Церковь столѣтія находилась подъ тяготившей ее опекой государственной власти, то же по земному стремившейся къ укрѣпленію Православія... Русская Церковь имѣла школы (въ числѣ ихъ прекрасно поставленныя Духовныя Академіи), богатѣйшія библіотеки, книгопечатаніе, безконечное множество храмовъ и монастырей, большія матеріальныя средства...

И, однако, это не помѣшало ни развитію антирелигіозныхъ теченій въ средѣ русской дореволюціонной интеллигенціи, ни безбожному натиску большевиковъ.

Правда, русскій простой народъ до 1917 года хранилъ свою вѣру, но въ большинствѣ случаевъ она все же держалась въ руслѣ бытовыхъ традицій, на древнемъ фундаментѣ историческаго прошлаго.

Большевикамъ казалось, что если они раскопаютъ это русло, обезсилятъ Церковь гоненіями,

---

и ея возглавителя о. Дюмонъ. Газета „La Croix“ (№ 16973, mercredi 8 juin 1938)“ сообщаетъ, что, разъяснивъ новому архимандриту значеніе полученнаго имъ сана, кардиналъ Вердье **пригласилъ присутствующихъ молиться объ обращеніи православныхъ въ католическую вѣру, которая является основой цивилизаціи.** („le cardinal invita l'assistance à prier pour la conversion des orthodoxes à la réligion catholique, fondement de la civilisation“).

Въ другомъ католическомъ органѣ сказано о папскомъ благословеніи, преподанномъ о. Дюмону вмѣстѣ съ поощреніемъ выполнять дѣло перевода православныхъ въ Римскую Церковь.

безправіемъ, полнымъ отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ, затратятъ сотни милліоновъ на безбожную пропаганду (обезбоживъ при этомъ школы и всю постановку воспитанія молодежи), двинутъ въ массы армію агитаторовъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ, то религія будетъ сметена съ лица русской земли.

Но разсчеты ихъ не оправдались, вопреки всякой человѣческой логикѣ.

Не оправдались потому, что сила Христовой Церкви заключается вовсе не въ тѣхъ земныхъ основахъ, на которыхъ строются обыкновенныя человѣческія начинанія и на крѣпость которыхъ эти начинанія обычно только и разсчитываютъ.

Христосъ, передъ вознесеніемъ Своимъ, заповѣдалъ ученикамъ нѣчто съ человѣческой точки зрѣнія совершенно невыполнимое:

„Идите научите всѣ народы, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа"...

Одиннадцать галилейскихъ рыбаковъ и вообще простыхъ людей, едва-ли въ большинствѣ даже грамотныхъ...

Кого имъ надлежало учить? Куда идти?

Вся Палестина была маленькой захудалой провинціей великой Римской имперіи.

Что она значила передъ лицомъ самой мощной державы? Что представляла собою эта кучка простецовъ передъ лицомъ римской утонченнѣйшей культуры, культуры древняго классическаго міра?

Что несла въ себѣ ихъ проповѣдь?

„Для іудеевъ соблазнъ, для эллиновъ безуміе"— по словамъ Ап. Павла.

И не смѣялись ли надъ самимъ Ап. Павломъ,

единственнымъ въ средѣ Апостоловъ представителемъ іудейской ученности?

Но христіанская проповѣдь побѣдила желѣзную силу Рима.

„Безуміе“ побѣдило логику, разумъ, перевернуло основы классической философіи.

Дѣянія Апостоловъ—величайшее и неопровержимое чудо человѣческой исторіи.

Чудо совершилось вѣрою и, подаваемой этой непоколебимой вѣрѣ, благодатью Св. Духа, ибо въ ней все.

Когда слабѣетъ вѣра, когда, сомнѣваясь, человѣкъ ищетъ иной опоры, онъ неизбѣжно теряетъ свою силу.

Пожелавшій идти, подобно Христу, по водамъ Петръ сталъ тонуть, потому что поколебалась его вѣра.

И вотъ въ нищетѣ и рубищѣ вышедшая, съ опасностью для жизни, на проповѣдь Русская Церковь **совершила и совершаетъ чудеса вѣры.**

У Нея нѣтъ никакой человѣческой опоры. Она беззащитна, облита кровью своихъ безчисленныхъ мучениковъ, Она дѣйствуетъ и живетъ все время подъ занесеннымъ надъ Нею мечомъ. Нѣтъ у Нея ни матеріальныхъ средствъ, ни школъ, ни права свободной проповѣди, ни книжныхъ богатствъ, ни, среди кадровъ новаго духовенства, людей получившихъ систематическое богословское образованіе.

Современный Римъ скептически смотритъ на Ея благодатный подвигъ и, учитывая ея бѣдность и физическую немощность передъ жестокимъ сопротивленіемъ безбожной власти, опредѣляетъ въ

слѣпотѣ своей этой подвигъ какъ длительную агонію, за которой наступитъ неизбѣжный конецъ.

И Римъ почти не скрываетъ, что ждетъ конца. А, если и не наступитъ, по его мнѣнію, полнаго конца Церкви, но наступитъ конецъ власти, заграждающей теперь путь духовной интервенціи католичества въ Россіи, то Римъ убѣжденъ, что стоитъ лишь ему двинуть армію своихъ опытныхъ миссіонеровъ, пустить въ ходъ всю силу своего государственно организованнаго аппарата, какъ русскій православный народъ склонится къ подножію папскаго престола.

Римъ разсматриваетъ христіанскую настроенность русскаго народа, какъ нѣкую жажду духовную, которую не въ силахъ утолить, съ его точки зрѣнія, обезкровленное гоненіемъ Православіе.

По мнѣнію Рима, Православіе безформенно и расплывчато благодаря своей чрезмѣрной свободѣ. Въ немъ нѣтъ ни стройной законченности, ни строгой уточненности католическаго исповѣданія. Развѣ устоитъ оно передъ убѣдительностью вѣками продуманой и крѣпко слаженной **системы?**

Римъ разсуждаетъ такъ потому, что давно уже, очень давно онъ сталъ строить свою миссію на фундаментѣ земной осмотрительности, человѣческой мудрости и человѣческихъ разсчетовъ, все дальше отодвигая отъ себя завѣтъ Христовъ — „Не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческіе“.

Римъ забылъ, что вѣра въ Христа есть даръ Божій и достигается она не путемъ хитроумной и логически убѣдительной пропаганды, но „явленіемъ духа и силы“, помощью благодати.

Проповѣдь апостольская побѣдила древній Римъ только благодатью Св. Духа.

Апостолъ Павелъ писалъ къ Коринѳянамъ (Первое посл., II, 1-5):

„И когда я приходилъ къ вамъ братія, прихо„дилъ возвѣщать вамъ свидѣтельство Божіе не „въ превосходствѣ слова или мудрости.

„Ибо я разсудилъ быть у васъ незнающимъ „ничего, кромѣ Іисуса и притомъ распятаго.

„И былъ я у васъ въ немощи, и въ страхѣ и „въ великомъ трепетѣ.

„И слово мое и проповѣдь моя не въ убѣди„тельныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ „явленіи духа и силы.

„Чтобы вѣра ваша утверждалась не на мудро„сти человѣческой, но на силѣ Божіей".

Сила Божія подается подвижническимъ **стяжаніемъ Духа Святаго**, которое, какъ главную цѣль всей жизни, указалъ и преп. Серафимъ Саровскій. А страданія неколеблющейся вѣры не умаляютъ и не обезкровливаютъ Православія, но даютъ ему непобѣдимое оружіе.

„Въ мірѣ скорбни будете" — сказалъ Господь. И, потому что скорби не смущаютъ архипастырей и пастырей Русской Церкви, но утѣшаютъ ихъ сознаніемъ мученическаго служенія Христу, гонимое Православіе, утративъ всѣ земныя опоры, стяжало то богатство, которое неизмѣримо превосходитъ все, чѣмъ располагаетъ въ своей человѣческой обдуманной благоустроенности мощная церковная держава Рима.

——

Натискъ безбожія въ мірѣ, духовное огрубѣніе человѣчества едва ли могутъ быть сломлены только воздѣйствіемъ культуры. Культура имѣетъ свои великія цѣнности (пріобрѣтенныя, прежде всего, благодаря христіанству, или имъ же одухотворенныя), но оскудѣвшіе духомъ ихъ не пріемлютъ, отъ нихъ враждебно отталкиваются, противопоставляя имъ власть разнузданныхъ инстинктовъ и первобытную алчность матеріальныхъ благъ и жестокаго могущества жестокой силы. Міромъ завладѣваютъ демоны злобы и похоти. Изгнать же демоновъ возможно только божественной силой, благодатью Духа Святаго. Не разсчетливо обдуманной организаціей „единаго фронта" христіанъ пріобрѣтается благодать Святаго Духа, а трудническимъ путемъ вѣры и любви. На этотъ путь, прежде всего, должны стать христіане всѣхъ исповѣданій, **искать и созидать въ самихъ себѣ „Царствіе Божіе и правду Его", а остальное приложится.**

И внѣшнее единство церковное, о которомъ такъ хлопочетъ Римъ, часто забывая „единое на потребу", приложится христіанамъ только тогда, когда, очистившись отъ грѣховныхъ побужденій господства и власти, они сдѣлаются достойными Царствія Божія, которое, по слову Христову, „внутри есть".

Warszawa. Drukarnia Synodalna.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

BX323
.K8

Imprimé en Pologne.